

“There is a land of the living and a land of the dead and the bridge is love, the only survival, the only meaning.”¹
Thornton Wilder, "The Bridge of San Luis Rey".

Мой отец: жизнь и наука.

1. Ранняя биография
2. Становление
3. Война и ее последствия
4. Трудный переход к мирной жизни: Карповский институт
5. Богословский переулок
6. ЦК партии и Кутузовский
7. Сибирское отделение
  - новые научные горизонты
  - иерархическое устройство академии
  - секретарь парткома
8. Конфликт с директором Института и отъезд
9. Академия
10. Заключение

Вместо предисловия

Мои воспоминания об отце основаны на разговорах с ним в разные годы; некоторые из них происходили очень давно. Память о кое-каких событиях мне удалось освежить, изучая интернет, ведь все события теперь оставляют там след. Тем не менее, хотелось бы подчеркнуть, что мои воспоминания – в большей своей части - не основаны на документах, являются воспоминаниями о воспоминаниях и потому вдвойне субъективны. Я заранее приношу извинения за все фактические неточности.

Я иду на такой риск, потому что мне кажется очень важным дать общее впечатление о той ситуации в науке и Академии, в которой отец был вынужден жить и действовать. Без этого его жизнь становится схематичным перечнем успехов. Думаю, что важно понимать, в какой обстановке они были достигнуты и в какое время он жил.

Мои воспоминания претендуют на линейность, но они очень далеки от нее. Очень часто, описывая тот или иной период времени или какое-то событие, мне хочется о них порассуждать, что отвлекает читателя от личности самого героя повествования, то есть от моего отца. Хочется думать, что эта несколько сюрреалистическая картина сделает повествование об отце и о его времени более ярким и выпуклым, а некоторая степень подсознательной импровизации придаст ему гармонию, которую мне хотелось бы сравнить – метафорически – с джазовой.

---

¹ Есть страна живых и страна мертвых, и мост между ними - любовь: единственное, что остается, единственное, что имеет значение. Перевод автора.

1. Детство и юношество

«О, истлевающий дагерротип в руках чье время тлеть еще не наступило».

Райнер Мария Рильке

Мой отец, Михаил Гаврилович Слинько (ученики и многие коллеги его звали сокращенно, по инициалам, - МГ), родился в Москве, в 1914 году, незадолго до революции 1917 года. Оба его родителя, мои дедушка и бабушка, были из низов, но оба были личностями незаурядными. Мой дед, Слинько Гавриил Артемович, был родом из Украины. У деда была жена Александра Ефимовна на хуторе Зарок и двое детей Николай и Аркадий - будущие братья МГ. Она была очень больна, а дети жили и учились в гимназии в Золотоноше. Александра Ефимовна прожила недолго. Чтобы заработать для них деньги, дед должен был ездить на заработки. Специальность у него была городская: он был механик и шофер автомобилей. Известно, что с октября 1911 по февраль 1913 он работал в Феодосии, затем переехал в Москву и до февраля 1915 года служил личным шофером известного московского архитектора Николая Порфирьевича Хорошкевича. С февраля 1915 года был водителем санитарной машины Московской городской управы или скорой помощи, как сказали бы теперь. Тогда их было всего четыре на всю Москву. Его водительское удостоверение имеет 26 подписей и несколько печатей; сейчас, наверное, и удостоверение космонавта столько не имеет. Во время войны, куда он был призван в 1916 году, он проявил храбрость, вывозя с линии фронта солдат, отравленных газами, которые активно применялись тогда немцами. За участие в спасательных операциях он был награжден, но его легкие были повреждены отравляющими газами, что впоследствии привело к неизлечимой болезни. После войны служил водителем автобуса в московском коммунальном хозяйстве (МХК), с 1932 года он был пенсионером.

Моя бабушка, Васса Гурьяновна, была из семьи крепостных крестьян. Ее отец Гурьянов Гурьян родился в 1850 г. крепостным в Орловской губернии деревни Гнездилово Болховского района. Бабушка уже не была крепостной, но тем не менее связи с бывшими хозяевами помещиками были еще сильны. Бабушка, как ее тогда звали, Васенька, была любимой служанкой барыни и та ее всюду возила за собой. В том числе и в ее летнее имение в Феодосии. На старой фотографии в семейном архиве бабушка запечатлена с барыней - красивой молодой женщиной. Имя ее не сохранилось.

В Феодосии дедушка Гаврила и бабушка Василиса и встретились. За барыней ухаживал отставной гвардии поручик Андрей Иванович, проживавший в Феодосийском районе. Поручик имел в своем хозяйстве два автомобиля, которые тогда обслуживал и водил дед. Когда поручик гостил у барыни, развлекать и кормить шофера поручалось Васеньке.

Немудрено, что вскоре и те и другие решили пожениться. Барыня дала за бабушкой приданое, а поручик дал дедушке денег. Этих денег хватило на переезд в Москву и покупку большой квартиры в центре Москвы, где бабушка стала сдавать комнаты с самоваром. Это была та самая квартира, где МГ, а впоследствии и я, родился. После революции бабушку уплотнили, так что ютились мы все в трех малюсеньких комнатухах, расположенных вокруг одной печки, топившейся сначала дровами, а потом газом.

У дедушки от первого брака осталось два сына: дядя Аркадий и дядя Николай. Мой отец был его третьим сыном и единственным ребенком моей бабушки. Старшие братья, и особенно Аркадий, были кумирами отца. Их природная сметка и работоспособность были, видимо, щедро заложены в их генном материале (до меня уже дошли только остатки), и оба старших брата сделали удивительную - при их происхождении - карьеру. Николай окончил медицинский институт и стал впоследствии военным врачом. Он был учеником самого Плетнева, который в присутствии пациента говорил со студентами исключительно по-французски. Аркадий поступил в Институт путей сообщения и выучился на железнодорожного инженера. Ввиду его пролетарского происхождения для поступления в Институт ему пришлось сдать 15 экзаменов. И он их выдержал. Для юношей из других сословий условия приема были значительно более щадящими. Эта несправедливость и связанные с ней семейные переживания и воспоминания крепко засели в память отца и во многом определили его будущие политические взгляды.

В отличие от нас, родившихся уже намного позже революции и имевших возможность непредвзято наблюдать естественный и мучительный распад ее идеалов, отец имел некоторое представление о жизни в классово-стратифицированном обществе и всецело одобрял идею строительства общества без классов. Он считал великой заслугой революции то, что она открыла широким массам путь к получению образования. Для этого, как внушала коммунистическая пропаганда, надо было уничтожить эксплуататорские классы, и их уничтожение многими тогда воспринималось как необходимость. Эксплуататорские классы состояли из реальных людей, которые должны быть уничтожены. Как говорил Пол Пот: "Настоящий Коммунизм нельзя построить – не убивая людей!" Сейчас трудно себе представить, чтобы люди принимали это условие как необходимость. Тогда это происходило; тут есть над чем призадуматься психологам.

Любимым воспоминанием детства у отца было воспоминание о том, как его отец Гаврила Артемович ездил на Украину навещать родню и брал его с собой. В то время на Украине были целые деревни и хутора Слиньков. Особенно он любил вспоминать, как заснул на шелковице, объевшись ягод, и его не могли найти. После искусственно созданного большевиками голода никаких хуторов не осталось. Одно время обнаружился родственник Сашко в Чехословакии, да и тот потом куда-то пропал. В Краснодаре жил Слинько Иван Карпович - дядька МГ, но с ним никто не общался, - он раскулачивал.

Другим любимым воспоминанием детства было воспоминание отца о том, как его старший брат Аркадий разрешал ему сидеть на коленях и играть с его логарифмической линейкой. Деревянную линейку, подаренную ему Аркадием, он хранил всю жизнь и, умирая, передал ее нам. Аркадий на вершине своей карьеры был начальником мобильного отдела Белорусско-Балтийской железной дороги и иногда брал МГ с собой в поездки. У него в распоряжении был служебный вагон. Отец вспоминал, что в холодильнике Аркадия всегда было пиво, которое он как-то дал попробовать и маленькому Мише. Тогда, как он помнит, оно ему не понравилось своей горчичной. Тот факт, что меня тоже называли Аркадием, не случаен и говорит о той любви, которую МГ питал к Аркадию. Аркадий умер в 1936 году в возрасте 38 лет от туберкулеза и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Учился мой отец в школе N 10 имени Ф. Нансена, которая располагалась в Мерзляковском переулке вблизи Никитских ворот. Школа была основана в 1906 г. Сначала это была гимназия, в которой учились только мальчики. Затем она стала женской гимназией, и потом, в 1910 году, это учебное заведение получило статус трудовой политехнической школы. С 1924-го года она стала школой девятилеткой с химическим уклоном. Над школой шефствовала Центральная научно-опытная лаборатория (ЦНОЛ), располагавшаяся на Садовой улице (впоследствии она стала Институтом ВНИОПИК). В этом отцу сильно повезло; химическая специальность осталась с ним на всю жизнь. Среди выпускников школы было много химиков и физиков, а также и людей других специальностей, ставшими впоследствии выдающимися: академик Б.П. Жуков, члены-корреспонденты М.В. Волькенштейн, С.В. Рытов, академик А.Д. Сахаров и другие; артисты Алексей Баталов, Игорь Ильинский, Миронова и другие. В 1931 году школу преобразовали в 3-й Московский химический техникум, а затем последний курс перевели в Политехникум им. Ленина, который МГ и окончил в январе 1932 года по специальности химик-технолог.

2. Становление

По окончании школы отец был направлен в Гипрохим, здание которого находилось на углу ул. Ильинки и Ипатьевского переулка. В Гипрохиме началась его научная работа, и в значительной степени сформировалось его научное мировоззрение. Начав свою научную деятельность с прикладной науки, МГ был распределен в серно-кислотный отдел. Надо принять во внимание, что по проектам, разработанным Гипрохимом и его филиалами, в СССР были созданы основные предприятия химической промышленности и, в частности, все производства серной кислоты, серы, фосфорсодержащих удобрений, минеральных солей. Неизгладимое впечатление на отца произвело прямое общение со старшими инженерами и профессурой вузов, многие из которых еще сохраняли старые дореволюционные традиции, и в особенности профессора Н.Ф. Юшкевич и К.Ф. Малин.

Справка: Николай Федорович Юшкевич был одним из первых профессоров Московского Химико-Технологического Института им. Менделеева (МХТИ) (с 1923 г.), заместителем директора по учебной работе (с 1924 г.), заведующим кафедрой основных химических производств (1923–1937 гг.). Сын капитана Амурского пароходства, он в 1903 г. окончил гимназию в Благовещенске и в том же году поступил в Томский технологический институт. В связи с революционными событиями 1905–1906 гг. и закрытием института уехал за границу; слушал лекции во Франции и Бельгии, в Парижском и Льежском университетах. В 1906 г. продолжил занятия в Томском технологическом институте, который окончил по химическому отделению в 1910 г. Будучи студентом, он начал научную и практическую деятельность первоначально в области цветной металлургии. В 1912 г. Советом университета был направлен в Японию, где знакомился с медеплавильным производством. В 1912–1914 гг. совершенствовал образование в технических школах Карлсруэ и Бреслау. Слушал лекции по физической химии, металлургии и химической технологии, посетил многие химические предприятия Германии, знакомился с постановкой в стране высшего технического образования. Подготовил докторскую диссертацию, однако не смог ее защитить из-за начавшейся первой мировой войны (ученая степень доктора химических наук была присуждена ему в июне 1934 без защиты диссертации). Как выдающийся знаток химической промышленности, в 1933 г. был привлечен Г.К. Орджоникидзе к руководству химической промышленностью СССР, работал главным инженером и заместителем начальника Главхимпрома НКТП СССР.

В Гипрохиме отец работал по многим проектам, предложенным Юшкевичем, и участвовал в пуске заводов для получения серы и серной кислоты. Передача знаний молодежи проходила не только в стенах Гипрохима, но и на заводах во время пусковых операций в неформальной обстановке. Работу под руководством Юшкевича отец вспоминал как счастье.

Справка: В 1936 г. во время командировки в Ленинград Н. Ф. Юшкевич был арестован в первый раз, однако по ходатайству наркома тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе через месяц освобожден. 22 января 1937 г. арестован вторично и по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 27 мая 1937 на основании ст. 58 пп. 6, 7, 8 и 11 (шпионаж, вредительство, террористический акт и участие в контрреволюционной организации) УК РСФСР осужден к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 28 мая 1938 г. в Москве.

Отец остро переживал эту трагедию и понимал, какой гигантский ущерб был нанесен промышленности и стране, но даже уже в 70-е годы, в семье, говорил об этом очень неохотно. Такой, казалось бы, вопиющий факт - уничтожение научной школы Н.Ф. Юшкевича в области химической

технологии - не поколебал его веры в основы социализма. Мне и меньшего хватило. Формула для оправданий была одна: "С вредителями бороться надо, но, к сожалению, в этой борьбе случаются ошибки и перегибы." Перегиб - было ключевым словом той поры; сейчас оно почти вышло из употребления.

В Гипрохиме же в 1932 г. отец познакомился с Г.К. Боресковым, будущим академиком и директором Института Катализа, работавшим тогда в Одесском химико-технологическом Институте. Гипрохим выполнял расчеты и проектные работы для Константиновского контактного серно-кислотного завода, где Г.К. Боресков начинал свои опытные работы.

За довоенные работы, уже будучи на фронте, отец получил Сталинскую премию. Официальная запись гласит: "Лауреаты Сталинской премии за выдающиеся изобретения. Премии за 1943—1944 годы: Левин, Моисей Натанович, нач. кислотно-солевого сектора «Гипрохима», Сосновский, Николай Павлович, инженер ЦНИИАТМ, Слинко, Михаил Гаврилович, инженер-капитан, Елагин, Григорий Яковлевич, нач. цеха Воскресенского химкомбината, — за разработку и внедрение в промышленность нового мощного контактного аппарата для производства серной кислоты." У всех указана должность, а у воевавшего в то время МГ - воинское звание.

Работая в Гипрохиме и проектируя сложные химико-технологические аппараты, МГ остро ощутил недостаток знаний по физике и математике. К тому времени по рекомендации Юшкевича он уже был зачислен на 3-й курс Менделеевского Химико-технологического Института, но ему и этого казалось недостаточно. Он решил поступить на физический факультет Московского Государственного Университета.

Поступление на физический факультет в 1935 г. было делом очень трудным. В этом году было отменено обязательное требование для поступающих в ВУЗ иметь трехлетний стаж производственной работы и фактически три школьных выпуска конкурировали за поступление. Конкурс был очень большой. Поэтому зачисление на 1 курс физического факультета было для МГ огромной радостью и во многом определило его научную карьеру. На физическом факультете тогда сформировалась научная школа мирового уровня под руководством академика Л.И. Мандельштама. Физфак тогда располагался в кирпичном корпусе во дворе позади старого главного здания МГУ на Моховой улице. Учебу на физфаке МГ совмещал с работой в Гипрохиме.

Учился отец истово и был не в пример мне порядочным аккуратистом: я видел его конспект работы Ленина "Материализм и эмпириокритицизм." Может ли быть противочлен без центрального члена? Тогда это был вопрос серьезный, за незнание ответа на который можно было и из университета вылететь. Ну, а уж физику, как надо полагать, он знал и понимал очень серьезно. На физфаке была традиция лучшего студента физика-теоретика отправлять на экзамен к Петру Леонидовичу Капице. МГ

один раз таки был послан к Капице и, конечно, получил высший балл, - пятерку. Если бы не война, быть бы ему физиком.

Во время учебы на физфаке МГУ мой отец попал под личное и научное обаяние Игоря Евгеньевича Тамма, ученика Л. И. Мандельштама, который одно время заведовал кафедрой теоретической физики. Интерес и страсть к нелинейной динамике МГ пронес через всю свою жизнь. Нелинейная динамика и колебания были коньком школы Леонида Исааковича Мандельштама, к которой я смело причисляю и отца. Школа продуктивно работала, получала результаты и растила учеников, но не все было безоблачно.

* * *

«... размножаясь без резона, тучи льнут к архитектуре.
Кремль маячит, точно зона; говорят, в миниатюре.
Ветер свищет. Выпь кричит.
Дятел ворону стучит».

Иосиф Бродский. Представление

После революции в Московском Университете на физмате воцарился Аркадий Климентьевич Тимирязев, как его называли, - "сын памятника"; политический демагог, умудрившийся получить философское ободрение от самого Ленина. Он пытался из Марксистско-Ленинского учения создать передовую физику, которая заменила бы трудные для его восприятия теорию относительности и квантовую теорию. Агитируя Мандельштама не отказываться выдвигаться на конкурс заведующего кафедрой теоретической физики, Г.С. Ландсберг - тогда профессор Московского университета - писал: "Вы являетесь последней надеждой на оздоровление Физического Института Московского Университета. Только появление такого лица, как Вы, может положить начало формированию кружка людей, желающих и могущих работать, положит конец бесконечным интригам, совершенно пропитавшим всю почву института."

В августе 1936 году арестовали Бориса Гессена, занимавшего тогда пост директора физического института МГУ. Вскоре после этого был расстрелян брат Тамма, которого заставили оговорить Пятакова, а заодно и себя, во вредительстве на вверенном ему производстве. И сразу же началось "выдавливание" мандельштамовцев из МГУ, и Тамм был смещен с заведования кафедрой. К счастью, им было куда идти - в ФИАН, где директором был Сергей Иванович Вавилов. Однако после смерти Вавилова от инфаркта в 1951 году обстановка ухудшилась и там. На заседании ученого совета ФИАН им. П. Н. Лебедева 9 февраля 1953 г. было принято постыдное решение "О философских ошибках в трудах академика Л. И. Мандельштама". За год до этого о философских ошибках Мандельштама на философском семинаре ФИАН докладывал такой выдающийся марксист современности, как будущий академик геометр А.Д. Александров. Сам Мандельштам, слава Богу, к тому времени был уже девять лет как мертв.

Так что снаряды рвались рядом со всеми отцовскими кумирами. Огонь велся "по штабам", и даже Нобелевские лауреаты не были в безопасности. Чтобы "служить Родине", надо было еще научиться уворачиваться от ее тяжелой руки. Зато дельцы от науки, заполнившие Академию, чувствовали себя, как рыбы в воде. Сейчас их стало еще больше.

Не могу удержаться от того, чтобы здесь не процитировать статью Е.Л. Фейнберга (Игорь Евгеньевич Тамм. Успехи Физических Наук, том 165, номер 7, СС. 811-828), которая ярко характеризует обстановку в Академии Наук в то время: "Теперь трудно поверить, что списки кандидатов проходили обязательный контроль в ЦК КПСС. Указывались "желательные" и "нежелательные". Отстаивать тех или иных, включая их в число "желательных" или "допустимых", должно было руководство Академии. После решения ЦК ни один член партии, даже некоторые беспартийные выборщики, не осмеливались голосовать негодным для ЦК образом (хотя голосование было тайным). Что касается Тамма, то было известно, что в 1946 году его имя вычеркнул "сам" член Политбюро А.А. Жданов. Ведь Жданов ведал идеологией, а Игорь Евгеньевич был заклеен, как "буржуазный идеалист". Да, так было до смерти Сталина, а в несколько более мягкой форме прямое давление ЦК продолжалось и далее. В день выборов в каждом Отделении, за час до заседания собиралась "партийная фракция" (академики и члены-корреспонденты, состоящие в партии) и в присутствии представителя Отдела науки ЦК им сообщалось, за кого, по мнению ЦК, следует, а за кого не следует голосовать. И это неизменно исполнялось и было решающим фактором."²

Действительно, революция значительно облегчила доступ к высшему образованию широким народным массам. Однако надо учесть, что содержание высшего образования было существенным образом выхолащено. Сложившаяся за несколько столетий до революции, профессура была разгромлена. Среди высланных летом — осенью 1922 года (за границу и в отдалённые районы страны) на так называемом "философском пароходе" наибольшее количество было преподавателей вузов и лиц гуманитарных профессий. Из 225 человек: врачи — 45, профессора, педагоги — 41, экономисты, агрономы, кооператоры — 30, литераторы — 22, юристы — 16, инженеры — 12, политические деятели — 9, религиозные деятели — 2, студенты — 34. Если учесть, что доступ к мировой научной литературе практически полностью прекратился, то ценность такого высшего образования значительно снизилась.

В сентябре 1930 года президент Московского математического общества Дмитрий Федорович Егоров был арестован по делу «катакомбной церкви» и умер 10 сентября 1931 года в больнице, после голодовки, объявленной в тюрьме. Председателем Московского математического общества после Д. Ф. Егорова стал партийный деятель Эрнест Яромирович Кольман. В 1931 году он опубликовал программную статью «Вредительство в науке»³, где

---

² Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС 1922-1991/ 1922-1952. Сост. В.Д.Есаков. М.: РОССПЭН, 2000, с.216-224.

³ Кольман Э. Я. Вредительство в науке. «Большевик». — 1931. — № 2. — С. 71-81.

он рассматривал вредительство в науке как неизбежное и всеобщее проявление классовой борьбы: «какой бы абстрактной и „безобидной“ на первый взгляд ни казалась та или другая ветвь знания, вредители протянули к ней свои липкие щупальцы». Несколько перлов из этой статьи стоит процитировать. Он писал: "Не менее характерной чертой, чем грубая подделка под "советский стиль", является исключительное обилие математических вычислений и формул, которыми пестрят вредительские работы." А также: "Математические уравнения сплошь да рядом придают враждебным социалистическому строительству положениям якобы бесстрастный, объективный, точный, неопровержимый характер, скрывая их истинную сущность." Вот такое было "математическое общество". В деятельности его принимало активное участие "пролетарское студенчество", некоторые члены которого впоследствии стали академиками АН СССР.

Если математические и физические дисциплины умудрялись, несмотря ни на что, сохранять достойный уровень, то ситуация с гуманитарными дисциплинами была просто катастрофической. В этой связи можно привести следующую служебную записку:

ОБ УКРЕПЛЕНИИ КАДРАМИ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АКАДЕМИИ НАУК С.С.С.Р.

"Крайне тяжелое состояние с научными и педагогическими кадрами, в области социально-экономических дисциплин, требует срочных мер по укреплению этого важного идеологического участка проверенными, партийно-выдержанными работниками. В настоящее время по ряду социально-экономических дисциплин имеются лишь единицы квалифицированных в научном отношении людей. Особенно тяжелое положение по истории народов СССР и истории Запада, где на ряде крупных кафедр (Москва, Ленинград) руководители отсутствуют. Аресты значительной группы среди научных работников, произведенные органами НКВД (по отделению общественных наук в Москве и Ленинграде около 60 чел.), вскрыли исключительную засоренность враждебными элементами научных кадров в учреждениях общественного отделения Академии Наук СССР."

В соответствии с этим Отдел Науки ЦК ВКП(б) вносит предложение о переводе следующей группы работников на научную работу в Москве и Ленинграде. (Список прилагается).

ЗАВ. ОТДЕЛОМ НАУКИ. НАУЧНО-
ТЕХНИЧЕСКИХ ИЗОБРЕТЕНИЙ И
ОТКРЫТИЙ ЦК ВКП(б)
Бауман

Таким образом проверенная группа марксистов "укрепила" Академию.

3. Война

«Война — это не подвиг. Война — болезнь.
Вроде тифа».

Антуан Де Сент Экзюпери.

Великая Отечественная Война (1941 – 1945 гг.) громадна и необъятна и до сих пор по существу не понята. Кто-то правильно сказал, что первой жертвой войны становится правда. Так оно, очевидно, и есть: сколько еще неоткрытых архивов и неопубликованных документов, а сколько опубликованных, но недостоверных? Одно неоспоримо: война изменила ход всех событий, вызвав поистине тектонические сдвиги, как в жизни обычных людей, так и в мировой политике, изменив, сломав и растоптав миллионы человеческих судеб.

Нападение Гитлера на СССР 21 Июня 1941 года мгновенно изменило течение судеб миллионов людей. В корне оно изменило и жизнь отца. Только за два дня до этого газета Известия на первой странице опубликовало фото с подписью: Студенты-выпускники физического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова, закончившие государственные экзамены и получившие дипломы с отличием. Слева направо: Г.Т. Зацепин, И.П. Панченко, М.Г. Слинко, Н.Н. Петров и П.А. Ченцов. Этим ребятам не пришлось и дня поработать по специальности: в спешке и панике золотой интеллектуальный фонд нации был немедленно отправлен на фронт. При этом даже не озаботились об обмундировании: бабушка отвозила отцу на фронт сапоги, которых у него не было, и уехала оттуда последним поездом, следующий немцы уже разбомбили. Отец вспоминал, что вся его группа физиков-теоретиков погибла в первые же дни войны. Бумага, освобождающая их от воинской повинности опоздала на две недели.

Наверное, у МГ был лишь один шанс из нескольких тысяч, чтобы выжить, но он его не упустил. Знание химии здорово пригодилось. Когда захватили какую-то железно-дорожную станцию и обнаружили там цистерны с различными жидкостями, начальство задало два вопроса: "Можно ли это пить?" и "Можно ли это использовать в качестве гопючего для танков?" МГ умел ответить на оба вопроса и быстро пошел в гору, сделав удивительную для абсолютно нестроевого человека военную карьеру: он кончил войну в Берлине в чине майора, будучи начальником снабжения горючим 1-ой Танковой Армии генерала М.Е. Катукова.

Операции по снабжению танковых войск горючим становились все сложнее и сложнее по мере продвижения войск и удаления их от баз снабжения. Тут нужна была не только смекалка, но и математические расчеты. Отец говорил, что в какой-то форме они использовали неоткрытое еще линейное программирование, за которое впоследствии Л.В. Канторович и Т.С. Куупманс получили в 1975 г. Нобелевскую премию.

Член военного совета 1-й танковой армии генерал-лейтенант Попель Николай Кириллович в своей книге "Вперед - Берлин!" вспоминает:

"Героем совещания оказался начальник службы горюче-смазочных материалов Слинько. Идеи фонтаном били из этой талантливой головы. Только изредка Слинько замедлял речь, чтобы дать возможность представителям академии успеть занести в блокнот новаторские предложения практика.

- В чем наша главная трудность? В шоферах. Один человек физически не сможет проделать за сутки тысячекилометровый путь по военным дорогам, да еще под бомбежками. Что я предлагаю? Вспомните практику старых ямщиков!

В комнате - удивленный шумок.

- Да, ямщиков! Провез ямщик почту или пассажира на своем прогоне и сидит, отдыхает на станции, дальше уже другой везет! Обратном пути надо ехать - он опять за вожжи берется. Так и у нас установить: провез шофер машину половину дороги - стоп; пункт отдыха и техосмотра! Дальше машину ведет его напарник. До станции снабжения и обратно. Приведут машину на пункт - там свеженький, отдохнувший шофер поведет ее до фронта. Двести пятьдесят километров за один заезд водитель сможет проехать без напряжения, а в целом вместе, поочередно - великолепно сделают тысячу. Второе. Надо позаботиться о запасах. Каждая часть должна иметь горючего на складе минимально на одну заправку. Склады можно выбрасывать на грунт. Если не хватит бочкотары, могу обеспечить, но...

Он строго осмотрел собравшихся:

- ...знаю: каждая бригада имеет столько бочек, что у фюрера такого количества хватало на целый корпус. Не жадничайте, не просите у меня про запас.

В зале раздался смех.

- А как же! Воюем не первый год. Соображать научились, - басит кто-то. Слинько проводили аплодисментами."

Генерал-майор Василий Фомич Коньков в своих воспоминаниях "Время далекое и близкое" писал: "Тут я не могу не рассказать об одном замечательном офицере тыла, который отличался удивительной способностью, казалось бы, на голом месте отыскать так необходимое войскам горючее. Нередко можно было услышать от офицеров тыла: "Слинько, наверное, на километр под землей все видит". Да, начальник отдела снабжения горючим майор Михаил Гаврилович Слинько был отменным организатором. Он таким мне и запомнился: невысокий, худенький, все время чего-то делающий. Поражала его феноменальная память. Бывало, спросишь его:

- Товарищ Слинько, как обеспечены танкисты горючим?

Он прищурит глаз, чуть задумается и уверенно, четко, твердо назовет все цифры. А что касается его способности "видеть на километр под землей", то у коллег были все основания так говорить. В самые

критические дни, когда наша армия, как говорят, сидела на мели, осталась без горючего, Слинько отыскал под Черновцами целый эшелон первостатейного трофейного горючего. Мало того, он очень ко времени доставил его нуждающимся частям.

И еще раз он поразил нас своей находчивостью. Близ Коломыи обнаружил природное горючее, напоминающее легкую нефть. Около 2000 тонн различных видов горючего и смазочных материалов было передано нами в те дни войскам. Вот вам инициатива, неустанный поиск одного человека.

Кстати, в Коломые у гитлеровцев был отбит и значительный запас горючего. Майор Слинько с помощью начальника снабжения горючим механизированного корпуса офицером М. С. Коганом исследовали горючее. Оно вполне подходило для заправки автомашин. А творческая фантазия помогла этим специалистам приспособить топливо и для танковых двигателей. Вопрос с недостающим горючим был решен как нельзя лучше."

И далее в тех же мемуарах: "Чем труднее складывалась обстановка, тем больше изобретательности проявлял этот офицер."

После окончания войны 1-ая танковая армия была оставлена в составе оккупационных войск и располагалась в Саксонии. Ее штаб находился в Дрездене. Ее командир, маршал Михаил Ефимович Катукон, занял должность генерал-губернатора Саксонии. МГ как начальник ОСГ армии взял под контроль все заводы синтетического горючего и химических продуктов. В Саксонии располагались несколько крупных химических заводов, которые постепенно демонтировались и вывозились в Советский Союз. Союзники тоже было занялись репарациями, но раньше одумались. Недальновидная же политика Сталина привела к резкому и значительному отставанию Восточной Германии по сравнению с Западной в экономической сфере, усиленной иммиграции и далее к восстанию 1953 года, жестоко подавленному теми же танковыми войсками. Берлинская стена - тоже результат этой близорукой политики.

В ноябре 1945 года отца отпустили в краткосрочную командировку в Москву с целью женитьбы. Мне повезло и моя будущая мать Добролюбова Зинаида Михайловна моего будущего отца дождалась. Тогда это было не типично: настроения у многих были сиюминутные, а война казалась вечностью. Тем более что возраст у нее к концу войны был уже далеко не девический. Она была эвакуирована в столицу Узбекистана Ташкент, где, по семейному преданию, за ней по пятам ходил узбек, твердя: "Иди за меня - чемодан денег дам." Узбек остался при своих деньгах. В Москву отец прибыл 5 ноября, в тот же день ему необходимо было жениться, а на следующий день лететь уже с мамой в Германию на военном самолете. Без штампа в паспорте маму бы не пустили. Однако, когда они прибыли в ЗАГС тот уже закрывался, и им сказали: "Приходите завтра." Уговоры не

помогали, тогда отец вытащил пистолет. Дама оформила документы и швырнула им паспорта. Так в Москве встречали фронтовика.

Демобилизовался отец только в июне 1946 года. Он несколько раз подавал рапорт об увольнении из вооруженных сил, но получал отказ. Маршал Г.К. Жуков считал, что послевоенная армия должна стать интеллектуальной, а МГ – без сомнения - был ее важной интеллектуальной составляющей. В Москве предпринимал усилия и Г.К. Боресков, который к тому времени возглавлял лабораторию в Научно-исследовательском физико-химическом институте им. Л.Я. Карпова и которому очень хотелось заполнить МГ. После того как МГ за довоенные работы по серной кислоте получил Сталинскую премию, Г.К. Борескову удалось организовать запрос Министра химической промышленности М.Г. Первухина и только тогда Жуков согласился. МГ был откомандирован в распоряжение министерства. Для МГ это, в частности, означало, что на физике надо было поставить жирный крест.

Война зримо присутствовала все мои детские годы. Отец каждую ночь во сне воевал, выкрикивал ругательства, из которых "сволочь" было самым мягким. По видимому, его во сне преследовал какой-то кошмар, бывший когда-то явью. На войне МГ был контужен и эта контузия давала о себе знать всю его жизнь. Его брат Николай, военный доктор, научил маму, как купировать эти приступы, и мама всю отцовскую жизнь пользовалась этим методом.

Одно из наиболее часто слышимых тогда слов было слово "трофейный". Моей любимой игрушкой был трофейный патефон с ворохом немецких трофейных же пластинок к нему. На семейных праздниках патефон заводился, и папа норовил танцевать с мамой вальс-бостон - единственное, что он умел танцевать или, точнее, считал, что умеет. Мама этого не любила, но несколько па они всегда протанцовывали. Трофейными были и некоторые елочные украшения, ими особенно дорожили, хотя впоследствии были куплены и более красивые игрушки.

Война была для отца тяжелейшим испытанием, но он выстоял и победил. Как это ни парадоксально звучит, он нашел свое место в ней и сделал для штатского человека замечательную карьеру. На войне у всех было одно дело и люди ценились по тому, как они это дело делали. Все было без дураков, ставки были высокие: либо победа и жизнь, либо поражение и смерть. Отец всю жизнь тосковал по этому единству цели и ясности отношений. В Академии все было не так: групповщина, интриги, подкопы, доносы. До конца дней он к этому не мог привыкнуть. Ведению политических игр он был не обучен, да так и не обучился.

Именно поэтому слово "фронтовик" означало для него лучшую рекомендацию, которую только можно было дать человеку. Мои робкие аргументы о том, что лучших людей война косила в первую очередь и что выжило много особистов и тех, кто стоял в заград-отрядах войск НКВД, не производили на него ровным счетом никакого впечатления.

В людях МГ разбирался плохо. Он или влюблялся в человека и тогда прощал ему все недостатки, или же относился настороженно и считал все его промахи. Середины не было.

4. Богословский переулок

«Детских лет и впечатлений гряде

Имя дам твоё у алтаря»

Р.М. Рильке. Новые стихотворения.

В центре Москвы, в переулке с таким славным названием, я и родился в трудном послевоенном 1948 году. Точнее, родился я, конечно, в родильном доме где-то на окраине Москвы под надзором друга семьи профессора Холмогорова и только затем разместился в Богословском переулке; но так уж говорят: родился на Богословском. Если мысленно очертить на карте прямоугольник с вершинами: Пушкинская площадь, Никитские ворота, Площадь восстания и Площадь Маяковского, то дом, в котором я жил, окажется почти в середине его, чуть-чуть поближе к Тверскому бульвару, до которого было меньше пяти минут ходу. Надо было пересечь Большую Бронную и пройти мимо полуразрушенной церквушки, которая, видимо, и дала переулку название. Многократные, но робкие попытки ее реставрации никогда ни к чему путному не приводили, и церквушка все больше и больше разрушалась.⁴ Выходил переулок на бульвар возле знаменитого Камерного, а затем, после его разгона, незнаменитого Пушкинского театра. Идя по Богословскому в обратную сторону мимо Палашовского рынка и, сворачивая на Южинский переулок, можно было вскоре попасть на Малую Бронную, Патриаршие пруды, и далее к особняку Саввы Морозова, где до революции экстравагантный миллионер-капиталист укрывал в бильярдной прячущегося от полиции пролетарского писателя А.М. Горького. Сам Горький после революции, поскакивавший за границу, разместился в особняке другого миллионера-заводчика Степана Рябушинского, здесь же недалеко от храма у Никитских ворот, в котором венчался А.С. Пушкин. Улица Горького, которая ныне опять носит свое исконное название Тверская-Ямская, также была, что называется, рукой подать: нужно было свернуть с Богословского налево на Большую Бронную и пройти по ней вверх, туда, где теперь непобедимо красуется Макдональдс. В общем, мне опять повезло: родился в историческом месте и в нужное время, пока ЦК КПСС не начал еще, как раковая опухоль, заполнять собою все жизненное пространство в центре Москвы, снося исторические здания и сгоняя коренных москвичей в настроенные на скорую руку в Черемушках хрущобы.⁵

Наш двухэтажный деревянный флигель размещался в четырехугольнике двора каменного четырехэтажного дома 6, так что между ним и домом был

---

⁴ Сейчас она восстановлена.

⁵ Хрущоба - это слово, производное от фамилии Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева и трущобы.

лишь сравнительно узкий проход. Машина едва могла объехать его вокруг. Весной солнце с трудом проникало во двор, и снег долго не таял. Поэтому во дворе стояла снеготаялка, топившаяся дровами. Позади дома были сараи, в которых хранились дрова и всяческая рухлядь. Несмотря на тесноту, во дворе как-то умудрялись расти несколько тополей, один из которых рос непосредственно под нашими окнами. Весной маленькие зеленые листочки казались чудом, летом же тополя превращались в проблему, заполняя все вокруг своим пухом. Но я этого уже не видел: как и всякие уважающие себя родители, мои папа с мамой снимали на лето для детей дачу. Весной же тополя приносили радость, и я всегда с нетерпением ждал, когда начнут лопаться почки. Огромным по значимости событием было также выставление зимних оконных рам, после чего летние рамы можно было открывать и слушать радостный весенний гомон улицы. Зимой же открывались только форточки, которые были для меня вне досягаемости. Выставление рам всегда сопровождалось особой веселой суетой, мытьем всего, что было недоступно для мытья зимой, и царила надо всем этим, как, впрочем, и надо всем остальным укладом жизни в нашей квартире, бабушка Васса Гурьяновна.

Прозвище у нее было Бабушка Маленькая. Естественно, что оно соответствовало ее росту - рост у нее был действительно маленький - но зато энергии всегда было более чем достаточно. Другая бабушка, по маминой линии, Елена Ивановна Добролюбова жила отдельно на Большой Ордынке. Прозвище Бабушка Большая за ней не закрепилось - она была Бабушка Лена. Муж Бабушки Маленькой, мой дед Гаврила Артемович, умер, когда мне было 11 месяцев. Незадолго до его смерти я впервые пошел, и, глядя на меня, дед сказал одну из последних своих фраз: "Идет мне на смену." Он был стопроцентный украинский козак с лихими усами и выпивал четверть горилки за присест. Когда отец с фронта прислал с оказией бидон спирта, дед Гаврила никому не дал к нему прикоснуться, и все потихоньку выпил. А ведь спирт был тогда валютой: обменять на него в войну можно было все что угодно.

Бабушке Маленькой я обязан своим крещением в церкви на Успенском Вражке. Для моего отца, члена КПСС, это было вовсе небезопасно, но бабушка возражений не слушала и окрестила меня в первые же дни моего существования. В крестные бабушкой мне был выбран Георгий Константинович Боресков, будущий академик и директор Института Катализа, а тогда - скромный заведующий лабораторией Карповского Института, где работал отец. Противостоять бабушке он не мог, да и риску он подвергался небольшому: происходя из вполне буржуазной профессорско-генеральской семьи, в партии он не состоял, да и состоять не мог. И следовательно, мог проявить такую несознательность, как стать крестным. Жил Георгий Константинович с матерью, которую мы с сестрой Мариной звали Бабушка Ида. Она была милейшим существом и, по-моему, искренне нас любила. Она очень вкусно готовила и, что меня очень удивляло, клала внутрь котлет грибную начинку. У нас в семье пища была значительно более простой.

У Георгия Константиновича к тому времени тоже были дети Леночка и Костя, значительно старше нас. Точнее сказать, это были официальные дети от официальных жен. Женщины были слабостью Георгия Константиновича до конца дней.

Об атмосфере тех лет говорят два хорошо запомнившихся мне эпизода. В день смерти Сталина меня вывели гулять на Тверской Бульвар одного. Все как-бы притихло, отец тоже был подавлен. Шел снег и мы взяли с собой санки. Но он быстро таял и санки не катили. В моей любимой дубовой аллее (сразу налево, если зайти от Камерного) было неуютно: голые деревья, слякотно, ветрено. Она была пустынна, но по центральной аллее, группами и по одному, бежали по направлению к Пушкинской Площади плачущие люди. Мы ушли почти тотчас же. Дома как всегда все знающая бабушка рассказывала ужасное: где и сколько человек погибло в давке. Больше всего их погибло у ГУМа.

Потом началась путаница с вождями: Булганин, Маленков, Берия, антипартийная группа Молотова-Кагановича и примкнувшего к ним Шипилова. Напряжение в обществе отражалось и на нас пятилетних. Помню облегчение, когда арестовали Берия. Мы пели неизвестно каким талантливым мальцом сложенную песню:

Бе-е-ри-я,
Потерял доверие.
И Георгий Маленков
Надавал ему пинков.

Такова была в точности гениальная официальная формулировка: "Потерял доверие партии." К тому же его еще записали английским шпионом, но это была уже ерунда по сравнению с потерей доверия партии. Кстати, последнее обвинение в обстановке царившей тогда шпиономании выглядело не так уж и абсурдно. Примерно в то же время, например, произошла история с зондами, которую я наблюдал вблизи и про которую впоследствии ничего не читал и не слышал. В единый день над Советским Союзом залетали сотни шпионских зондов, наподобие метеорологических, фотографировавших и, по-видимому, передававших по радио отснятое. Их вылавливали и свозили к нам в Москву во двор особняка Саввы Морозова (издавна облюбованного КГБ). Паники в народе не было, но нервозности это добавило. Теперь все это делается со спутников, и народ спокоен.

С деньгами в семье было туговато, даже несмотря на то, что отец, как лауреат Сталинской премии, имел определенные льготы, как, например, бесплатный проезд к месту отдыха во время отпуска. Тем не менее, когда родилась сестра Марина, маме пришлось в конце концов оставить работу в качестве инженера мостостроителя (Она закончила Московский Институт Инженеров Транспорта, сокращенно МИИТ). Решение это ей далось нелегко: мама плакала, отец авторитарно давил - во имя детей. Мама сдалась в конце концов. Некоторые ее тогдашние подруги по работе впоследствии сделали головокружительные карьеры - маме было что

терять. Отец, надо признать, с честью всю жизнь выполнял взятые на себя обязательства.

Нам с сестрой Мариной он тоже умудрялся уделять достаточно времени. Меня он учил играть в пинг-понг, ездить на велосипеде и кататься на лыжах. Забегая вперед, скажу, что любимым местом для лыж у нас был район дачи Сталина, так называемый 9-ый километр Можайского шоссе. Самые запоминающиеся велосипедные прогулки у нас с отцом были в Звенигороде, точнее, в Саввинской слободе под Звенигородом, неподалеку от Саввино-Сторожевского монастыря - того самого, где хранился знаменитый Рублевский Спас. Я ехал обычно на велосипеде, отец быстрым шагом шел пешком. Велосипед по тем временам был дорогой вещицей, не у всех пацанов он тогда имелся. Это был совместный подарок моих родителей и крестного. Его мне подарили на мой день рождения, когда мне исполнилось шесть лет.

Зимой 1953 года ко мне начала ходить учительница английского языка Дагмара Викторовна. Помню, что когда мне приходилось составлять словарик английских слов, английские слова было легче писать, чем русские. Писал я печатными буквами и путался в какую сторону рисовать закругление в русских буквах "P", "Ы", "Я". Из английских меня конфузила только буква "R".

Перед школой обнаружилось, что мамин врожденный астигматизм все-таки передался мне по наследству. Мне прописали очки для постоянного ношения, и я стал "очкариком". Очкариков не любили: в мальчишеской табели о рангах я оказался на одном из нижайших уровней. Еще более презираемой категорией были только толстяки, которых, как известно, приятно мутузить - их дразнили прозвищем "жиртрест". А если жиртрест был еще и очкариком, жизнь его была воистину невыносима. Скорбно склоняю голову в память о тех мучениях, которые доставались этим несчастным.

Школа располагалась неподалеку на Большой Бронной. Ходьбы до нее было всего ничего, да я обычно еще и бегал, так что и минуты не проходило, как я был уже там. А бегал я потому, что ботинки, которые мне купили к школе, были туристскими на ребреной резиновой подошве. На бегу они издавали характерный хлопающий деревянный звук, который теперь во мне вызывает воспоминания об одном из моих предыдущих рождений, в котором я был подмастерьем в Таллине и бегал в своих деревянных башмаках на певческие праздники. Ботинки, конечно же, были из самых дешевых. Вся остальная аммуниция была стандартной. Школьная форма была темно-серого "школьного" сукна. Особенно хороша была фуражка почти-что военного, как мне тогда казалось, образца: с черным околышем и черным ободком, который опускался на подбородок, чтобы фуражка не улетела на ветру.

Утром 1 сентября 1955 года, с цветами, в сопровождении мамы, я прибыл на сборный пункт первоклассников школы 124, где был отсортирован в 1

"А" класс. Родители с умилением смотрели на нас из-за ограды. Детсадовские дети шалили и чувствовали себя вольготно. Для нас, домашних, это было расставание с чем-то очень дорогим, хочется сказать, - свободой. Мы, тогда не знавшие ни единого стишка про дедушку Ленина, не могли даже себе представить, какую мощную идеологическую обработку нам придется пережить. В этой школе мне пришлось проучиться два с небольшим года.

5. Карповский Институт

В этой главе мне хотелось бы показать исторический фон, на котором происходили события по возвращении отца в "мирную" жизнь. Достижения отца описаны им самим, а также в прекрасном очерке его многолетнего соратника и друга Романа Алексеевича Буянова. По укоренившейся в том поколении негласному но незыблемому правилу они лишь вскользь намекают на события негативного плана: мол кто знает, тот поймет, о чем идет речь. К сожалению, поколение понимающих уходит, а новому поколению тех намеков уже недостаточно. Это я понял после того, как сам окунулся в ту эпоху, готовя этот текст и попытавшись по мере своих возможностей осознать и расшифровать неясные моменты.

Сохранились ли документы и свидетельства очевидцев, которые могли бы помочь нам в этой попытке реконструкции событий? К счастью, кое что сохранилось. Наиболее ценным источником для меня оказался вебсайт <<http://temkin-76.ucoz.ru/>>, посвященный Михаилу Исааковичу Темкину и содержащий уникальные материалы. Многие факты, приведенные в этой главе, взяты именно оттуда.

Все это было для меня "родом из детства". Фамилия Темкина упоминалась в семье в то время чуть ли не чаще других, наряду с фамилиями Боресков, Баландин, Фрумкин, Костандов, и др. Упоминалась всегда уважительно - по тому как отец произносил фамилию человека, я, тогда еще в общем-то малыш, научился определять, как отец относился к этому человеку. Темкин был, если не кумиром, то уж во всяком случае непререкаемым авторитетом. Один раз, помню, году в 1956, он был у нас в гостях дома на Богословском. Был довольно скован, разговаривал тихо, — это все, что я запомнил. После такого длинного вступления можно, я думаю, и начать повествование, предварив, его, впрочем, следующим оксюмором.

"Только наука чиста, так как не имеет в себе ничего практического."

Эрнест Ренан. «Жизнь Иисуса» (1863).

Переход к мирной жизни оказался мучительно трудным. Надо было начинать все с начала: что может быть более жалким, чем положение младшего научного сотрудника без степени в научно-исследовательском институте? Еще недавно отец был начальником над всеми заводами Саксонии, и вот ... младший научный сотрудник в НИФХИ (Научно-исследовательский физико-химический институт) им. Карпова. Все

довоенные знакомые успели за время войны существенно продвинуться по службе и прилично обеспечить себя и семью материально. К тому же в Академии шла война. Война была на идеологическом фронте, но вполне горячая, с жертвами и победителями, как в настоящей войне.

Во многом положение МГ (кто всерьез воспринимает младшего научного сотрудника?) избавило его на первое время от участия в батальях (а он всегда был на стороне гонимых и проигравших), а затем, после смерти Сталина, острота ситуации несколько спала.

Как уже упоминалось, в начале 1945 года в Красной армии стали формироваться "трофейные" группы специалистов для вывоза из Германии оборудования, материалов и документации. Но и не только. В марте 1945 года Л.П. Берия предложил И.В. Курчатову выделить людей для формирования команды, типа "Алсос", которая бы обладала полномочиями по эвакуации "мозгов", занятых в атомной области. Материально-техническую основу команды составила армейская служба контрразведки - "Смерш" (от смерть шпионам).

В так-называемом "Отчете Сталину" (декабрь 1946 г.) была запись:

"До 1945 года в СССР не велось систематических и целеустремленных работ в области производства тяжелой воды. Работы были развернуты в 1946 году.

Совершенно секретным Постановлением Совета Министров Союза ССР (2492-1044сс) от 14 ноября 1946 года создан основной научный центр по изучению проблемы производства тяжелой воды - Институт им. Карпова."

Справка: Из рассекреченных отчетов ЦРУ:

"После войны Советы проявили значительный интерес к исследованиям по производству тяжелой воды в Германии. Демонстрационная немецкая пилотная установка была размещена на "Лейна верке" в Мерзебурге. В Октябре 1945 г. под эгидой МВД несколько разрозненных специалистов по тяжелой воде были собраны в Лейне под руководством доктора Герольда. Эта группа разработала проектное задание (предварительный проект) установки по обмену X_2C-X_2O , способной производить 5 т тяжелой воды в год. По завершению этого проекта 21 октября 1946 г. группа из Лейне была эвакуирована в СССР. Руководимые Герольдом люди были размещены в небольшом городе Бабушкин под Москвой. Эти люди работали в Институте им. Л.Я. Карпова до середины 1948 г., после чего они были переведены в Рубежную на Украине. Очевидно, к этому времени группа завершила Советский проект тяжелой воды...".

"Лейна верке" - флагман военно-химического комплекса Германии.

Не все в Карповском институте были довольны перепрофилированием института на ядерную проблематику и приветствовали появление новой тематики и новых лабораторий.

Отец писал: "В самом начале работы в Физико-химическом институте имени Л.Я. Карпова возник конфликт. В июне 1946 г. по приказу Министра химической промышленности СССР М.Г. Первухина в Институте для разработки промышленного производства тяжелой воды и защиты атомных объектов от взрыва образующейся в ядерных реакторах гремучей смеси были организованы две новых лаборатории: лаборатория технического катализа под руководством Г.К. Борескова и лаборатория разделения изотопов под руководством Н.М. Жаворонкова. Я был зачислен в лабораторию технического катализа. При Институте был также организован межведомственный совет по тяжелой воде под председательством проф. Н.М. Жаворонкова. Я был ученым секретарем Совета. Однако Ученый Совет института, проходивший под председательством В.А. Каргина, по докладу А.А. Жуховицкого – научного руководителя Института не согласился с этим Приказом об организации лаборатории. Ученый совет считал, что новые лаборатории являются технологическими и не отвечают научному уровню и профилю высококвалифицированного научного института. Это решение отражало глубоко сидящую идеологию академика А.Н. Фрумкина, не признававшего единство теории и практики. Он считал химическую технологию наукой 2-го сорта. Возникший конфликт рассматривала комиссия во главе с первым заместителем Министра химической промышленности СССР А.Г. Касаткиным. А.Г. Касаткин был ученым, для которого основой научно-технических работ было единство науки и практики, и он не только отменил решение, но и предложил покинуть Институт академику А.Н. Фрумкину и проф. А.А. Жуховицкому, подтвердив необходимость организации лабораторий в Институте. Пренебрежение к химической технологии и промышленности воспиталось у большинства членов отделения АН СССР по химии и сохраняется по сей день."

Надо сказать, что хотя в данном конкретном случае отец, по-видимому, был прав, и лаборатории, о которых идет речь надо было создавать, но использование им термина "единство теории и практики" вызывает у меня негативную реакцию. В то время термины "отрицал единство науки и практики" и "занимался вредительством в науке" были по существу синонимами. Вот как заставили оговорить себя Ландау.

Справка. Из протокола допроса Ландау Льва Давидовича от 3 августа 1938 года.

Вопрос: Расскажите, в чем практически выражалась антисоветская деятельность этой группы?

Ответ: ... Вопрос [о взаимоотношениях «чистой» и прикладной науки] этот очень остро встал в 1934 г. в связи с определением планов и направления работ института - крупнейшего в стране научно-исследовательского учреждения в области физики. Мы

выступали решительными противниками слияния, органической взаимосвязи теории и практики, чистой и прикладной физики, отстаивая полную независимость «чистой» науки. И в дальнейшем, когда наша группа перешла к активным, контрреволюционным, вредительским действиям, эти действия прикрывались флагом борьбы за «чистую науку».

Вопрос о соотношении чистой (теперь говорят фундаментальной) и прикладной науки - вопрос до сих пор нерешенный, причем не только в России, но и на Западе. Понятно, что одна не может существовать без другой, но это пожалуй и все. Правительства всех стран заинтересованы в как можно более быстром внедрении теоретических разработок в экономику страны. Поэтому в финансировании научной деятельности всегда прикладная наука получает заметные преимущества. Кроме того, при западных университетах (а наука там сосредоточена именно в университетах) создаются хозрасчетные внедренческие структуры (как, например, Uniservices в Оклендском университете, где я работаю). Требовать от всех такой универсальности, которой обладал МГ, - это требовать слишком многого; не всем такое дано.

Кстати, во времена "оттепели" в Новосибирском Академгородке целых пять лет действовала такая внедренческая фирма "Факел", но была закрыта по распоряжению блюстителя чистоты марксизма Сулова.

* * *

Кандидатскую диссертацию отец защитил в 1949 году. Тема ее — "Кинетика реакций изотопного обмена в системе "вода-водород" — очевидным образом связана с темой тяжелой воды. Тяжелая вода оказалась твердым орешком. С одной стороны, существовало много способов, с помощью которых ее можно было получить, но все они в чем-то были неудовлетворительны, и это делало переход к ее промышленному получению известными уже способами невозможным или нерентабельным. Построенные по немецким образцам заводы, по-видимому, не справлялись с растущими потребностями атомной отрасли. Требовались новые заводы, которые бы были построены — желательно — по новым более эффективным технологиям. У МГ возникла идея получать тяжелую воду из жидкого водорода. Как раз к тому времени в связи с нуждами атомной промышленности в Менделеевском институте была организована кафедра номер 44 "Технология разделения изотопов". МГ принял активное участие в становлении и развитии кафедры (ныне - кафедра технологии изотопов и особо чистых веществ), и это позволило ему получить доступ к преподавательской работе и иметь учеников. В 1949 году тема получения тяжелой воды из жидкого водорода была предложена дипломнику Роману Буянову. Это был самый эффективный, но и рискованный метод, ибо попадание даже малого количества кислорода грозило взрывом. Поэтому сам отец сконцентрировался на каталитической очистке водорода. Нужны были тонкие расчеты, эксперименты были опасны, - вот где гнездились корни математического моделирования!

Будущий президент АН СССР акад. А.П. Александров поддержал эту работу, и дальнейшие исследования разворачивались уже в Институте физических проблем (ИФП) АН СССР. В итоге, та первоначальная, казавшаяся далекой от практики тема, закончилась построением завода в Чирчике в 1957 году! За проведение этих работ и освоение производства Р.А. Буянову, М.Г. Слинько и другим в 1960 г. было присвоено звание лауреатов Ленинской премии. Так, в высшей степени успешно, закончилась эпопея с тяжелой водой.

Сотрудничество с ядерщиками продолжалось. В июне 1954 г. в Обнинске были начаты пусковые работы на первой АЭС. Перед пуском – Игорь Васильевич Курчатов и Ефим Павлович Славский, возглавлявшие все приготовления на месте, поставили передо отцом задачу определения содержания гремучей смеси в воде, циркулирующей в контуре реактора станции. Отец рассчитал, что гремучая смесь накапливаться не должна. В результате измерений, проводимых каждые 12 часов, выяснилось, что стационарное содержание гремучей смеси в контуре действительно очень мало и не представляет опасности. 27-го июня 1954 г. состоялся официальный пуск атомной станции. Как говорил отец, в настоящее время результатов этих работ никто не знает и даже не задумывается о том, почему в контурах нет гремучей смеси.

Отец как-то сказал, что между моим рождением и рождением сестры Марины он хватанул изрядную дозу радиации. Видимо это было все там, при пуске реактора в Обнинске. Как я понял, он тогда очень боялся возникновения генетических дефектов.

* * *

"Деревья складками коры мне говорят об ураганах..."
Р.М. Рильке "Новые стихотворения"

Идеологические баталии тем временем разворачивались не на шутку. Критике особо подверглась популярная тогда у специалистов по органической химии теория резонанса, предложенная Лайнусом Полингом, единственным ученым, получившим две единоличные Нобелевские премии. Теория считалась махистской и очень вредной. Прославился Л.А. Блюменфельд, тогда аспирант Я.К. Сыркина (впоследствии зав. кафедрой биофизики МГУ). "Для объяснения идеалистической сущности теории резонанса собрание научных сотрудников (Карповского ин-та) проводил представитель райкома партии. К доске вышел Л.А. Блюменфельд и, написав пси-функцию для одной из возможных формул бензола, спросил, есть ли в этой записи идеализм. Здесь нет, - сказал представитель райкома. Тогда Блюменфельд написал пси-функцию для другой возможной формулы бензола. И здесь не оказалось идеализма. А в теории резонанса вычисляют сумму этих двух функций, следовательно – сделал вывод довольный собой Блюменфельд, весь идеализм заключен в знаке "+"? На утро он был отчислен." (<http://temkin-76.ucoz.ru/>)

Справка. Лев Александрович Блюменфельд. В те годы аспирант Я.К. Сыркина, впоследствии выдающийся биофизик, зав. кафедрой биофизики МГУ.

Махизм в теории резонанса обнаружили марксистские философы, сами химики до этого бы не додумались. Ходил такой анекдот: «Все науки женского пола: химия, физика, математика, биология, и.т.д. Есть только одна наука мужского рода - Марксизм-Ленинизм - и потому он должен оплодотворять все другие науки.».

В 1952 году было устроено заседание дирекции Карповского института, на которое пригласили всю Лабораторию химической кинетики. По поручению директора (тогда им был С.В. Кафтанов) заседание вел С.С. Медведев. Вступление выглядело примерно так: "Ну что я Вам могу сказать, товарищи? Вот ваш заведующий, Темкин, загубил химическую кинетику в Карповском институте...". Стало ясно, что лабораторию собирались закрыть. Следующим этапом должен был быть доклад С.Я. Пшежецкого на грядущем всесоюзном Совещании "Гетерогенный катализ в химической промышленности" (январь, 1953 г.), на котором провал лаборатории должен был бы отнесен за счет того, что ее заведующий развивает порочную буржуазную теорию активированного комплекса (она же переходного состояния). Однако, идеологический разгром Темкина на этом совещании не совсем пошел по плану. Пшежецкий доклад свой представил, но тот раздел, где было осуждение, не зачитал. Разгром был скомкан.

Для всякого, знакомого с идеями квантовой механики, идея суперпозиции состояний (а именно это и допускала теория резонанса) была вполне естественной. К сожалению, на том заседании, химиков, кто был знаком с ней, было всего двое: мой отец и М.Ис. Темкин. МГ вообще по статусу было не положено высываться, а Темкин сказал, что не видит в теории резонанса ничего такого, что бы требовало обсуждений. Как я уже говорил, М.Ис. Темкина отец бесконечно уважал. Он считал, что он не может умереть, пока не закончит статью к 100-летию М.Ис. Темкина. Последняя внятная реакция отца, которую мы наблюдали, была на слова дочери Марины: "Папа, твоя статья о Темкине пошла в номер." Как и со всеми кумирами МГ, огонь по Темкину велся из орудий крупного калибра.

Упомянутое совещание было кульминацией лысенковщины в катализе. Катализ - в принципе - штука не простая и по поводу его механизма существовали разные теории. Так, например, будущий Нобелевский лауреат академик Н.Н. Семенов имел свою теорию, которая называлась "цепная теория катализа". Другая теория катализа, популярная в МГУ, и с которой спорил Н.Н. Семенов, принадлежала академику АН Белорусской ССР Н.С. Акулову. Партийным органам почему-то требовалось, чтобы теория была одна и правильная, т.е., марксистская.

Марксизм, однако, здесь отступал от собственных принципов. Ленин всегда утверждал, что единственным критерием справедливости или

несправедливости теории является практика. При Сталине критерием справедливости теории стала идеологическая чистота. Это само по себе является идеализмом, так как понятие идеологической чистоты субъективно.

На упомянутом совещании выступить с критикой немарксистских теорий катализа поручили Г.К. Борескову. Тот раскритиковал все теории и предложил свою, которая, впрочем, не сильно вдохновила собравшихся. В стихотворном отчете об этом совещании все того же Блюменфельда говорится:

«Сначала все шло очень быстро:
Открыв собрание, министр
Поведал радостной толпе,
Что с точки зренья МХП,
Катализ нужен непременно,
Особенно - гетерогенный.

Затем на кафедру вступил
Подтянутый Боресков
И, не стесняясь, заявил
Уверенно и резко:
На все теории плевать!
Рассмотрим их критически,
Константы надо подбирать,
Конечно эмпирически.
Моя теория проста:
За все ответственен состав.»

(МХП - Министерство Химической Промышленности)

Отец считал, что вся "лысенковщина" происходила из-за недостатка образования. Старых дореволюционных кадров оставалось мало, они были к тому же запуганы и затурканы, отодвинуты на второй план. В лидеры выходили те, кто получил образование в смутные после-революционные годы, когда качественное преподавание в вузах было скорее исключением, чем правилом. Тот же Г.К. Боресков, например, получил 4-летнее образование в Одесском химическом институте и таких вещей, как, например, квантовая механика, не знал.

Однако я думаю, что дело было не только в отсутствии качественного образования. Доносительство, а также использование ненаучных (псевдо-философских) аргументов в научной дискуссии не спишешь на недостаток образования.

Существовала, впрочем, одна теория, которую Боресков в своем докладе не раскритиковал и не потому, что он ее поддерживал. Ее вообще запрещалось упоминать, поскольку даже ее критика явилась бы нарушением указаний партии. Речь идет о мультиплетной теории

катализа (1929 г.), основанной на предположении о структурном родстве молекулы реагента и поверхности катализатора. Предложена она была заведующим кафедрой органического катализа МГУ Алексеем Александровичем Баландиным, который к тому времени находился в Норильсклаге. Шел четвертый год его ссылки. Первый раз автор мультиплетной теории катализа пострадал по доносу, будто он состоит в террористической организации и под видом катализаторов готовит взрывчатку для подрыва Кремля (МГУ был на Моховой, как раз рядом). В 1936 г. он был сослан в Чкалов (ныне Оренбург) и находился там 2 года, пока не был реабилитирован по ходатайству Н.Д. Зелинского и других академиков. В 1949 году был арестован вторично, исключен из членов АН СССР и по статье 58 осужден на 10 лет по фантастическому "Красноярскому делу". Если бы не смерть Сталина, навряд ли он выдержал бы полный срок ссылки; для него она окончилась летом 1953 г.

Справка: Отец — Баландин, Александр Алексеевич — выпускник Санкт-Петербургского университета, кандидат естественных наук. Золотопромышленник, меценат.

Мать — Баландина, Вера Арсентьевна (Емельянова) — выпускница Бестужевских Высших женских курсов в Петербурге. Изучала химию в парижском институте Пастера. Магистр естественных наук. Построила в Енисейске химическую лабораторию, открыла частную библиотеку и многое другое.

В 1908 г. семья переезжает в Москву для образования детей. Алексей Баландин поступает в частную гимназию Поповой. В 1916 г. оканчивает гимназию с золотой медалью.

В 1923 г. получил диплом естественного отделения физико-математического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «физическая химия». В 1930 г. начал чтение курса «Органический катализ» на химфаке МГУ. В 1934 г. без защиты диссертации была присуждена учёная степень доктора химических наук. В 1934 г. стал профессором кафедры органической химии МГУ. С июля 1936 г. по май 1939 г. в ссылке в городе Чкалов (ныне Оренбург). В ссылке преподаёт математику в средней школе для взрослых.

В 1939 г. Алексей Александрович организовал лабораторию органического катализа на химфаке МГУ.

В 1943 г. — член-корреспондент РАН, с 1946 г. — академик.

С марта 1949-го г. по май 1953-го г. Баландин находился в Норильлаге, лишен звания академика.

С 1953 года — завкафедрой органического катализа МГУ, заведующий мемориальной лабораторией им. Н. Д. Зелинского (ЛИНДЗ) при Институте органической химии Академии наук СССР, заведующий лабораторией кинетики контактных органических реакций (Институт органической химии Академии наук СССР), председатель Ученого совета по проблеме «Научные основы подбора катализаторов» при отделении химических наук АН СССР, председатель секции катализа Ученого совета Института

органической химии им. Н. Д. Зелинского АН СССР, член редколлегии «Журнала физической химии» АН СССР.

А. А. Баландин умер 22 мая 1967 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Статья М.И. Темкина «Об основаниях мультиплетной теории гетерогенного катализа А.А. Баландина», посвященная светлой памяти Алексея Александровича Баландина, опубликована в журнале Кинетика и катализ, 1986 г., №3, стр. 533-46. Писать о таких людях мне доставляет просто физическое наслаждение. Многие из них совершенно несправедливо забыты. Они заслонены многочисленными малограмотными дельцами от науки, которые не мытьем, так катаньем постепенно умудрялись создать себе фальшивую репутацию крупных ученых, не гнушаясь при этом использовать и чужой труд. Позднее некоторые из них становились директорами институтов, руководящими академиками, лауреатами премий, героями соц. труда, входили в Президиумы, бронзовели еще при жизни, а после смерти становились памятниками.

Я несколько не идеализирую отца; например, я думаю, что одной из его принципиальных ошибок было неприятие химической кибернетики, которую развивал в Менделеевском институте Виктор Вячеславович Кафаров. Кафаров и его сотрудники пытались заложить системные принципы математического моделирования химических процессов, а химическая кибернетика была общим термином для этой активности, может быть, и не совсем удачным. Специфика высшего учебного заведения накладывала свой отпечаток. Надо ведь было всех студентов обеспечить темами курсовых и дипломных, не говоря уже об аспирантах, которым нужны темы диссертаций. Естественно, Кафаров не мог себе позволить той заточенности на конечный результат, которая всегда была у отца; к тому же способность МГ одновременно видеть всю длинную цепочку от теории к заводской установке была воистину уникальной. Естественно, в школе Кафарова печаталось много статей типа "Как бы я стал проектировать реактор, если бы мне нужно было его проектировать". Отца это раздражало. Здесь, мне кажется, тоже сказалась ввевшаяся в кровь того поколения марксистская установка на поиск единственно правильной теории и марксистская традиционная непримиримость к плюрализму. Отец был родом из своего времени.

6. ЦК партии и Кутузовский

В 1956 году я пошел в 3-й класс и отходил целую четверть. Еще в начале года ничего не предвешало скорых перемен. Но вдруг грянула весть: мы переезжаем из нашей коммуналки в новенькую двухкомнатную квартиру, где у нас будет даже ванная! Я был в отчаянии, необходимость перехода в новую школу меня пугала безгранично: я ведь никогда не был детсадовским ребенком и едва-едва успел адаптироваться в своей старой 124-й школе на Большой Бронной. Наш новый дом имел номер 26 по

Кутузовскому проспекту. Он состоял из четырех корпусов, расположенных четырехугольником. Начал он строиться где-то в конце сороковых. Наш корпус, параллельный Кутузовскому, но стоящий в глубине, вдоль реки, был закончен в 1956 году. Строили дом югославы и из импортных материалов. Наша квартира располагалась на 11-ом этаже и окнами выходила во двор, с видом на Лужники и Ленинские горы.

В выходной день мы все ездили смотреть квартиру, которая произвела большое впечатление на всю семью, кроме меня. Особенно всех поразило такое удобство, как мусоропровод. Я же, понимая, что переезд неминуем, в отчаянии убежал на набережную Москвы-реки.

Этот район за Дорогомиловской заставой раньше был районом кладбищ, склоны Москвы-реки в этом месте были усеяны могилами. Кладбища, однако, бесцеремонно сровняли с землей, и район начал застраиваться правительственными зданиями, точнее, зданиями, где поселяли работников Совмина и, конечно же, аппарата ЦК КПСС. Партия и правительство, как мы теперь понимаем, не сильно-то церемонились и с живыми, а уж с мертвыми — и подавно.

Дом 26 — дом особый. В конце 50-х — начале 60-х там (вкупе с домом 24) проживал весь аппарат ЦК почти в полном составе. Один подъезд, прямо напротив нас, был на особом режиме: там были квартиры Брежнева, Андропова, Щелокова и других. По двору расхаживали сотрудники девятки (отдел КГБ по охране первых лиц государства), одетых в обычную милицейскую форму. Под домом были проложены многочисленные туннели; по ним можно было перейти, например, в один из соседних домов (что мы с мальчишками неоднократно проделывали). Ходили слухи, что где-то там есть огромный подземный зал, где можно проводить заседания ЦК партии. Тогда все лидеры панически боялись атомной атаки.

Квартиру в доме 26 отцу выделили всяки с тем, что его пригласили на работу в аппарат ЦК инструктором в Отдел химической промышленности, который тогда укреплялся. Академик Н.Н. Семенов добился аудиенции у Н.С. Хрущева и объяснил ему, что бессмысленно догонять США по количеству выплавляемой стали и сплавов, когда они это количество снижают, заменяя их продуктами химических производств: пластмассы, полимеры и т.д. Хрущев воспринял все это очень серьезно и не без сопротивления металлургов и традиционно мыслящих совминовцев начал разворот промышленности в сторону химии. Кроме пластических масс нужны были удобрения, которые должны были вдохнуть жизнь в хиреющее сельское хозяйство. Аппарат ЦК в то время дублировал все отделы Совмина, будучи как бы их головным мозгом. Отдел химической промышленности ЦК разрабатывал сценарии перспективного развития, готовил соответствующее постановления ЦК, которые Министерство химической промышленности должно было уже затем проводить в жизнь. В связи с изменившейся ролью химии Отдел химии ЦК нуждался в укреплении и МГ должен был его укрепить. Заведовал отделом Виктор Михайлович Бушуев, а его заместителем был Виктор Сергеевич Смирнов.

Для подготовки материалов по развитию отраслей химической промышленности к съездам КПСС и последующим Пленумам ЦК КПСС в ЦК КПСС была организована группа в составе В.М. Бушуева (руководитель), В.С. Смирнова, М.Г. Слинько а также заместителя Министра химической промышленности СССР Георгия Васильевича Уварова.

Жизнь наша круто переменялась. Мы с сестрой Мариной пошли в новую школу, которая располагалась во дворе дома 24, мама осваивалась с положением единоличной хозяйки, а отец начал ходить на работу на Ильинку. Поменялся у него и телефон — ЦК-овские телефоны начинались тогда на К-9. Эту подстанцию невозможно было спутать ни с какой другой из-за особого басовитого гудка.

Из дополнительных льгот всем работникам ЦК полагались 13-я зарплата, бесплатная путевка раз в год в санаторий на юге страны и (за небольшую плату) путевки в санатории выходного дня, а также в летние санатории. Нас прикрепили к поликлинике ЦК на Сивцевом Вражке, существовала также разветвленная сеть пошивочных ателье и пр. Летом мы получили дачу в дачном поселке Вялки. Зимой мы изредка выбирались в санаторий выходного дня кататься на лыжах, еще чаще мы с отцом катались на 9-м километре Можайского шоссе вокруг дачи Сталина.

Летом в Вялках любимым времяпровождением работников ЦК были городки. Днем на площадке играли мы, шпана, вечером — серьезные мужи. Я любил на это смотреть: некоторые играли просто мастерски. Отец же еще с пионерских времен любил настольный теннис. Играл он здорово и даже выступал за команду поселка Вялки во время ежегодного и традиционного матча с поселком Кратово — тоже ЦК-овским.

Не буду перечислять все пленумы по химии, которые в составе этой группы готовил отец. Обычно он исчезал дней на десять; всю команду запирали на какой-нибудь даче, обеспечивали всем необходимым, и не выпускали, пока предложенный ими текст не был одобрен высокими инстанциями. Тут иногда возникали тупиковые ситуации. Н.С. Хрущев любил щеголять народными словечками и поговорками. При написании одного из докладов он требовал то группы спичрайтеров, чтобы они включили сравнение химической промышленности с проституткой. Они упорствовали, Хрущев не уступал. Тогда отец поговорил с Л.И. Брежневым. Тот сказал ему: "Ладно иди, как-нибудь разберись с этим." Больше Хрущев не настаивал. Не было однако никакой гарантии, что Хрущев не отклонится от текста. Речи Хрущева отец обычно слушал у телевизора в полудреме. Иногда, однако, вздрагивал и начинал слушать внимательно. По его поведению можно было легко вычислить, где Хрущев отклонился от текста, а где точно ему следовал.

О Брежневе, кстати, инструкторы — рабочие лошадки организации — отзывались очень хорошо. Хуже всех был Каганович: от него ребята выходили или с инфарктом или с экземой.

Отец утверждал, что это ему принадлежит авторство знаменитого Хрущевского лозунга, который развивал знаменитый Ленинский:

Коммунизм - это Советская власть плюс электрификация всей страны, и плюс химизация сельского хозяйства!

Одним из ключевых было постановление Пленума ЦК КПСС от 7 мая 1958 г. "Об ускоренном развитии химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства". На основании его отец сумел пробить Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 795 от 23 июля 1958 г. об организации Института катализа в составе недавно созданного (1957 г.) Сибирского отделения АН СССР. При создании Института катализа не обошлось без борьбы. В первом Постановлении СМ СССР об организации Сибирского отделения Академии наук в мае 1957 г. в составе Новосибирского Академгородка не значились ни Институт катализа, ни Институт органической химии. По мнению целого ряда ведущих химиков АН СССР, эти два института не могли быть академическими, т.к. предполагалась тесная связь новых институтов с промышленностью. Пришлось их пробивать дополнительно.

Рабочей группе по созданию этого документа было невдомек, что МГ создавал этот институт во многом под себя. В руководители института отец предложил Г.К. Борескова, с которым у него тогда было полное взаимопонимание о нужности такого института. В 1958 году М.А. Лаврентьев обратился с просьбой в ЦК КПСС откомандировать МГ в организуемое Сибирское отделение АН СССР. В 1959 году он стал заместителем директора по науке Института катализа. Хорошо помню, как отец агитировал Романа Буянова ехать с ним работать в Институт катализа в качестве еще одного заместителя директора. Они сидели у нас в гостиной вчетвером: отец, мать и чета Буяновых. МГ был в ударе и захлеб расписывал красоты Академгородка. После ухода гостей мама спросила его: "Миш, там хоть березы есть?" "Не помню", - честно признался отец.

В августе 1962 года Институт катализа, наконец-то, был построен, и мы переехали в Академгородок. В этот раз я не противился переезду, так как мои отношения со школой 711 зашли к тому времени в тупик. За все мои проделки — как, например, рассыпание йодистого азота в коридоре школы — мне поставили тройку по поведению в четверти и в году, сняли с меня на школьной линейке перед строем красный пионерский галстук (только на месяц, но больше я его и не надевал). Когда в школе у ученика создается репутация хулигана, то это трудно переломить: что бы ни происходило, ты всегда оказываешься зачинщиком.

Таким образом, жизнь наша на Кутузовском оказалась недолгой. Однако наложила свой отпечаток на все наше, и мое в частности, существование.

7. Чудо, каким был Академгородок

«Я не хочу обидеть негров. Но, по-моему, эта музыка [джаз] негритянская.»

«Пусть меня извинят все любители джаза, но если у вас есть свое мнение, то и меня не лишайте моих чувств, моих мнений, моих вкусов. Не люблю этой музыки! Не понимаю! Не понимаю! Каждый должен играть на своем музыкальном инструменте. И вы скажете, что это оркестр? А я скажу: нет -- это будет какофония. Джаз это будет, джаз!!!»

Хрущев на встрече с деятелями культуры на Воробьевых горах. 17 декабря 1962 г.

Академгородок - уникальное явление в истории СССР. Создаваемый под лозунгом "Российское могущество будет прирастать Сибирью" (как известно, слова принадлежали М. Ломоносову и сказаны в 18-м веке, но обрели актуальность только в 20-м веке), он вызвал необыкновенно живые отклики и желание многих видных ученых приехать туда на работу. Это было почти неслыханно: добровольно ехать из Москвы и Ленинграда в Сибирь собирались ведущие ученые. Какую же невыносимую атмосферу подозрительности, доносов и репрессий надо было создать, чтобы появилось так много "энтузиастов", желающих начать все с чистого листа. А в Академгородке того времени можно было вздохнуть полной грудью.

Создание Сибирского отделения было лучом света и надежды на то, что можно и в науке жить по-человечески. Особенно воодушевлял тот факт, что во главе Сибирского отделения становился Михаил Алексеевич Лаврентьев - известный математик, а также человек, сумевший не запятнать себя в самых трудных ситуациях. Будучи учеником Н.Н. Лузина, он уклонился в тридцатых годах от участия в его травле, а также подписал в 1955 году известное письмо "Письмо трёхсот", приведшее к отставке печально известного марксистского биолога Лысенко. Соучредителями СО РАН также становились академики Сергей Львович Соболев и Сергей Алексеевич Христианович. Последний стал первым заместителем М.А. Лаврентьева, председателя СО АН СССР, и курировал строительство всего научного центра.

Тот факт, что идеология не будет занимать главенствующее положение, вскоре стало заметно невооруженным глазом. Когда в Академгородке впервые отмечался Первомайский праздник, Михаил Алексеевич организовал демонстрацию так, что впереди колонны были не флаги и транспаранты, а молодые мамы с колясками, в которых ехали первые новорожденные Академгородка. Он не был ни в коей мере диссидентом, скорее его можно было бы назвать государственным, но деидеологизация науки была для него основополагающим принципом.

Государственники, а к их числу относился и мой отец, осознают необходимость в крепком процветающем государстве, считая, что экономически процветающее государство есть залог благосостояния живущих в нем людей. Они обычно спокойно относятся к идиотизму вождей, считая, что вожди приходят и уходят, а страна остается.

Государственников не следует путать с патриотами. О сущности патриотизма я задумался во время визита в Аргентину в 1997 году, где я возглавлял Задачную комиссию Международной Математической Олимпиады. Я был поражен, насколько все аргентинцы гордятся Аргентиной, в то время как видимых причин гордиться было не заметно. Как следствие, они все были подозрительны, каждая шутка воспринималась настороженно: не ущемляет ли эта шутка нашу гордость? Если подумать, то патриотом – по умолчанию, считается тот, кто гордится родиной безусловно, вне зависимости от событий истории и текущего состояния страны. Спросите любого нашего российского патриота, чем конкретно он гордится. Скорее всего он назовет победу в Великой Отечественной войне. Если попросите его назвать что-нибудь еще, возможно, услышите про победу над Наполеоном. Про проигранные финскую и японскую войны не услышите. Государственник рационален, патриот иррационален.

Академгородок оказался защищенным от идеологического давления сверху благодаря мощной фигуре М.А. Лаврентьева, которого все звали "Дед". Ввиду важности строительства Сибирского отделения Лаврентьев был избран членом ЦК КПСС. Таким образом он оказался равным в партийной иерархии первому секретарю Новосибирского Обкома КПСС Ф.С. Горячеву, что не позволяло последнему вмешиваться в дела в Академгородке, во всяком случае определять ситуацию. Горячев с этим не мирился и все время под Деда копал. Тем не менее, временно идеологическая вертикаль прервалась, и как это было здорово.

Академгородок, безусловно, имел все механизмы, используемые обычно идеологической вертикалью, но поскольку он возник несколько в стороне от этой вертикали, то все эти механизмы заработали не столько на стороне власти, сколько на стороне людей. Одним из таких механизмов был Партком СОАН СССР, который в первые годы возглавлял Георгий Сергеевич Мигиренко, участник Великой Отечественной войны, адмирал Флота, лауреат Ленинской премии, специалист в области гидродинамики и физики взрыва. Он был сильной личностью, и Новосибирскому Обкому КПСС было нелегко ему приказывать.

Вторым таким механизмом, ставшим столпом Академгородка, был тогда Объединенный комитет профсоюза СО АН СССР. Под его эгидой работал Дом ученых и знаменитый клуб "Под интегралом." Владимир Иванович Немировский, директор ДК «Академия», превратил Дом ученых в фантастический культурный центр. В Картинной галерее Дома ученых выставлялись картины невыставляемые нигде больше художников. Поэты и прозаики свободно читали свои стихи и новые книги и со сцены и

в гостиных Дома Ученых. Композиторы привозили только что написанные оратории. Кинорежиссеры представляли для первого показа свои новые, еще не урезанные цензурой, фильмы. Все люди искусства, побывавшие в Академгородке в то время, говорят о нем, как об островке свободы.

Клуб «Под интегралом» под руководством Анатолия Израилевича Бурштейна проводил дискуссии на темы, еще недавно немислимые: например, наука ли философия? Но самое замечательное, что при клубе работало кафе "Под интегралом", в котором, о чудо, играл джазовый оркестр, составленный из сотрудников СО АН. Этот оркестр пробудил мой интерес к джазу, и я, помимо Элвиса Пресли, стал слушать популярного тогда в интеллигентской среде Дейва Брубeka. А ведь известно, что тот, у кого хоть раз запело сердце от свингующих ритмов и кто хоть раз почувствовал необъяснимую легкость интеллектуальной свободы в джазовой импровизации, тот навсегда погиб для идеологической пропаганды, ибо приобрел пожизненный иммунитет от всяческого промывания мозгов.

Два культурных события, имевшие место в Академгородке, могли состояться только в нем и более нигде: два концерта пианистки Веры Лотар-Шевченко в 1966 году и фестиваль бардовской песни с участием Александра Галича в 1968.

Запас плавучести, однако, у Академгородка был невелик и поддерживался неустанным трудом невидимых беззаветных тружеников. В Академгородке вовсе не все было дозволено. Некоторые, не понимая, насколько сложившееся равновесие хрупко, пытались раскачивать лодку и расширять границы дозволенного. Это для них обычно плохо кончалось.

В 1963 году отца, после Мигиренко, избрали секретарем парткома Сибирского отделения. Это был сильный ход: у отца в ЦК КПСС оставались хорошие связи, включая дружеские отношения с инструктором Отдела науки ЦК по Сибирскому отделению Николаем Алексеевичем Дикаревым. Вклад МГ по защите завоеваний Академгородка мне представляется очень существенным. К сожалению, это малоизвестно. В декабре 1964 г. Пленум ЦК КПСС освободил Н. С. Хрущева от обязанностей Первого Секретаря и члена Президиума ЦК КПСС. Накануне пленума отцу позвонил первый секретарь Новосибирского обкома КПСС Ф.С. Горячев и сказал: "Хрущева завтра снимают со всех постов, собирай партком, снимай Хрущевского подхалима Лаврентьева и ставь Марчука." Партком отец и вправду собрал, но на нем предложил поддержать кандидатуру Лаврентьева. Присутствующие члены парткома (а отсутствовал лишь один Марчук) единогласно поддержали отца. Горячев не простил этого, и отец на новый срок переизбран не был. Был избран более покладистый Анатолий Илларионович Ширшов (впоследствии мой научный шеф), с помощью которого Горячеву удалось упразднить и весь партком СО АН. Это значительно ослабило позиции Лаврентьева. А скинуть Лаврентьева Марчуку удалось лишь в 1975 году. И это существенно повлияло на ситуацию в Академгородке в худшую сторону.

8. Полный вперед

Первые годы в Академгородке были идиллическими во многих отношениях. Люди были воодушевлены и испытывали невероятный подъем. Казалось, им все было по плечу. В дирекции Института Катализа царил дух взаимопонимания. Это взаимопонимание переходило в дружеское общение, и не только между членами дирекции, а большого круга ведущих сотрудников. Г.К. Боресков приехал в Академгородок и поселился в коттедже вместе с Надеждой Петровной Кейер. Сама видный специалист в области катализа, она благотворно влияла на ГК. Общение происходило семьями и ГК хорошо вписывался во все происходящее. Многие в Институте катализа тогда приобрели моторные лодки, и мы часто ездили на нескольких лодках по Обскому морю на реку Койон. На джипе Борескова ездили в лес за грибами. Мы с отцом часто ходили в коттедж к Борескову играть с ним и Надеждой Петровной в бадминтон. На газоне около его коттеджа натягивалась веревка, служившая сеткой, и мы с увлечением играли.

Отец и ГК были очень разные, но отлично дополняли друг друга. Культурный уровень Г.К. Борескова был несравним с отцовским. Г.К. Боресков происходил из дворянской семьи, с детства был обучен французскому языку, много читал. Отец был как необработанный бриллиант: он быстро соображал, быстро решал задачи, фонтанировал научными идеями, но хорошим манерам его никто не учил и, живя всю жизнь в режиме выживания, художественную литературу ему было читать некогда. Другое дело – научная литература и книги о войне. Эту литературу он изучал до самого своего ухода. Даже по истечении войны его немецкий был практически на нуле; немецких слов он знал совсем немного, включая слово "natürlich", что было предметом шуток в семье. Отец понимал свою ограниченность (то-то он меня отдал с шести лет изучать английский язык) и по-хорошему завидовал Борескову. Тот, в свою очередь, признавал превосходство МГ в сфере генерации научных идей, а заодно, и в математике, физике и т.п. Много раз я от него слышал, как он восхищался талантом отца налету схватывать и решать задачу прежде, чем другие поймут ее формулировку. Он говорил: "Ну, Миша у нас соображает быстрее всех."

Играть в бадминтон с ними мне было не очень интересно, но зато после бадминтона можно было посидеть в Боресковской библиотеке. Одна книга из этой библиотеки особо привлекала мое внимание и я засиживался за ней, пока не позовут к столу. Это была редчайшая тогда книга из серии памятников литературы: Мишель Монтень "Опыты". Попросить эту книгу домой я не решался (да и вряд ли бы он мне ее дал). Боресков заметил мою страсть к этой книге, и мы несколько раз обсуждали сюжеты из нее. Он, похоже, сам знал ее почти наизусть.

Научные дела тоже двигались полным ходом. Реальность была такова, что по существу под крышей Института катализа функционировало два

разных института, руководимые МГ и ГК. В то время институты уживались мирно. Очутившись на относительной свободе (партком несколько ограничивал ее), отец развернулся в полную мощь в области занятий наукой. Направление его научной работы всегда оставалось одним и тем же и было ясным, однонаправленным и просто формулируемым:

- Химические реакторы надо моделировать математически, теория подобия не работает;
- При моделировании возникают нелинейные дифференциальные уравнения;
- Надо численно решать эти уравнения с помощью ЭВМ;
- Надо изучать качественные свойства решений таких уравнений.

Все укладывалось в эту схему. Наука эта была междисциплинарная и нигде, кроме Академгородка, не могла быть реализована. В Академгородке же были Институт математики и Вычислительный центр, что делало реализацию программы МГ возможной.

Методология эта возникла как раз вовремя. В 1960 году в распоряжении МГ появилась первая ламповая аналоговая машина «МН-7», вся помещавшаяся на письменном столе в его кабинете в Карповском институте. Это был прорыв! В последующие десятилетия Отдел, руководимый МГ, приобрел множество несравнимо более мощных вычислительных машин. Но ни одна из них не вызывала такого энтузиазма, как та первая ЭВМ. Чудеса на этой и всех последующих машинах творились под руководством очень симпатичного мне Володи (Владимира Борисовича) Скоморохова.

Особенно интересные результаты им удалось получить с помощью гибридной аналого-цифровой машины ГВС-100, разработанной Институтом Проблем Управления АН СССР совместно с югославскими коллегами. Недавно на конференции по теории игр в испанском городе Виго я встретил Александра Соломоновича Беленького, сейчас профессора Высшей Школы Экономики, а тогда, в 60-х годах, сотрудника Института Проблем Управления АН СССР. Он с упоением вспоминал работу над ГВС-100 под руководством профессора Б.Я.Когана с участием отца и утверждал, что тогда подобной работе не было аналогов. Президент Сербской Академии Наук П. Савич лично открывал советско-югославский симпозиум в Академгородке, посвященный организации в Институте катализа гибридного вычислительного центра. Эта разработка, как и многие перспективные разработки в тогдашнем Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ), была внедрена только в единичных экземплярах.

С качественными свойствами решений дифференциальных уравнений существенно помог Сергей Львович Соболев, выдающийся математик, бывший тогда директором Института математики СО АН СССР. Он порекомендовал одного из своих лучших учеников Тадея Ивановича Зеленька, с которым МГ быстро сошелся в научном отношении, а в дальнейшем и подружился. У Зеленька, в свою очередь, периодически

появлялись очень сильные ученики, прошедшие Новосибирский университет и аспирантуру Института математики, которых МГ с удовольствием брал на работу. В целом сложился крепкий междисциплинарный научный коллектив.

Отец как-то обмолвился, что для выезда за границу ему нужна подпись Косыгина, премьер-министра тех лет. Я понял, что отец имеет высший уровень допуска к секретным материалам, но не сразу сообразил к каким. Только на его похоронах, когда номерной институт министерства обороны прислал мощную делегацию и почетный караул, прощальный салют которого внезапно и резко нарушил тишину Старого Немецкого (Введенского) кладбища, и сопоставив еще кое-какие факты, я сообразил, что отец был вовлечен в разработку ракетного топлива. Когда-нибудь, я надеюсь, мы узнаем конкретно, какой вклад он сделал в обороноспособность страны.

Отец всегда стремился к неформальному общению с учениками и сотрудниками, что было в условиях городка все еще большой редкостью. Он организовывал неформальные и свободные кружки (типа кофейных клубов) в своем Отделе, что очень оживляло и дополняло научную жизнь, и помогало при формировании единого коллектива единомышленников.

Я помню, как в шестидесятых годах проходил целый ряд представительных всесоюзных и международных конференций. Наш коттедж на ул. Воеводского часто наполнялся разноголосой, разноязычной толпой. С российскими учеными иногда возникали проблемы. Помню, как отец жаловался маме, что не знает что делать: X говорит, что если Y, который писал на X доносы, будет приглашен, то X в гости не придет. Не знаю, как отец разрешал этот конкретный и подобные ему кризисы.

Я помню смешных японцев, произносивших "р" вместо "л", забавного американца, раскатисто представлявшегося "мистер Смит фром Калифорния". Все говорили, что то, что делается отцом и его группой в Академгородке, просто уникально.

Организовав сотрудничество между институтами, отец на этом не остановился. Как-то естественно у него возник ряд международных проектов. Про сотрудничество с ИПУ и югославами я уже писал. Еще одно серьезное и многолетнее сотрудничество у отца возникло с бельгийской фирмой UCS (Union de l'Chemie Belge). Оно, в стиле МГ, завершилось запуском промышленной установки. Это исследование было первым научно-техническим сотрудничеством научно-технических организаций СССР с зарубежными фирмами. За время сотрудничества отец подружился с президентом и совладельцем фирмы бароном Шарлем-Эммануэлем Янсеном (Charles-Emmanuel Janssen). Однако предложение переехать на работу в Бельгию отец отклонил.

Поскольку это было первое подобное сотрудничество, стороны не сразу приспособились друг к другу. В какой-то момент бельгийцы осознали, что

отец, будучи в командировке за рубежом, не может тратить деньги, полученные от фирмы (на что бы они не давались), а должен жить на мизерные командировочные. Все гонорары и другие выплаты, полученные во время командировки, отец по приезде сдавал в кассу Академии. Осознав это, бельгийцы стали давать ему чековую книжку, которой он мог платить, например, в ресторанах. Отец не сразу научился выписывать сумму, большую чем стоимость обеда, и пока научился, оставил массу официантов без чаевых.

В шестидесятых у отца происходило активное сотрудничество с Чехословакией. Фамилия Главачек была на слуху. Сотрудничество оборвалось внезапно. Отец как раз должен был лететь в Прагу. Утром того дня раздался телефонный звонок. Плачущий женский голос сообщил: "Дорогой Михаил Гаврилович! Умоляем, ни в коем случае не приезжайте. У нас на улицах ваши танки."

Не все тем не менее было безоблачно. Академия наук время от времени ставила палки в колеса и было бы странно, если бы она этого не делала. Инстинкт рядового (и часто не только рядового) советского академика был таков, что если этот академик что-то не понимал в теории, которую он по положению должен был понимать, то такую теорию надо было заклеить как реакционную или, как минимум, ошибочную. Так как работы МГ были междисциплинарны, использовали новейшие достижения математики и науки о вычислениях, то нападки случались частенько. Одна из самых серьезных была со стороны химического отделения Общей и технической химии АН СССР.

Академик Н.Н. Семенов считал, что математизация каталитических процессов в реакторе невозможна из-за исключительной сложности этих процессов и что математические модели не передают сущность процессов. Он организовал заседание отделения, на котором с "разгромным" докладом выступил член-корр. В.Г. Левич. В последующей дискуссии МГ и Зеленьяк убедительно продемонстрировали научную беспочвенность критики. К счастью, времена уже были не сталинские и одних псевдонаучных идеологических претензий было недостаточно для уничтожения соперника. Г.К. Боресков позиционировал себя как наблюдатель, ожидая, чья сторона возьмет вверх.

Годы в Академгородке были вершиной научной карьеры МГ. Однако, как известно, хорошие времена не длятся долго. В 1976 году он вынужден был уехать из Академгородка обратно в Москву и вернуться в Карповский институт.

9. Академия Наук (ложка дегтя)

«Но всегда ведь, всегда ведь, рано ли, поздно ли,
Расставляет расплата капканы терний».

Сергей Есенин. "Пугачев".

«Благодарность быстро скисает в желудке
мелкого человека и ему не терпится ее
выблевать».

Торнтон Вайлдер. "Мартовские Иды".

Не могу не добавить и ложки дегтя. Академия наук была тогда (и есть сейчас) плоть от плоти того тоталитарного советского государства, в котором она возникла (только не говорите мне про Петра). Окончательно ее структуру и принципы организации заложил в конце тридцатых годов Л. П. Берия. Сибирское отделение не могло не унаследовать весь этот уклад. Он характеризовался экстремальной иерархичностью. На вершине пирамиды - академики, им положено все. "Вам это не положено," - типичная фраза того времени, перевод которой на английский язык, например, попросту невозможен. Одни так называемые столы заказов чего стоили. Там распределялась еда, дефицит которой был в СССР постоянен. Они были трех уровней: просто столы заказов, докторские столы заказов и один академический стол заказов. Чтобы прикрепиться к обычному столу заказов, достаточно было проживать в Академгородке. Для прикрепления к докторскому надо было защищать докторскую диссертацию. Для прикрепления к академическому - надо было быть избранным в академики или члены корреспонденты. То же было и с поликлиниками и даже столовыми. Для того, чтобы пообедать в столовой Дома Ученых, надо было быть его членом, а не будучи доктором наук, это было очень трудно. Для академиков, член-корргов и избранных докторов существовал еще и так называемый маленький Дом Ученых, расположенный в Золотой Долине. Существовали также и каналы по снабжению другим дефицитом, а то и товарами, которые невозможно было купить вообще. Так, например, академикам в первые годы Академгородка разрешали бог весть по каким каналам покупать армейские газики (у Борескова, например, был такой). Были, правда, исключения: хорошие связи могли заменить и докторскую диссертацию и даже членство в Академии.

В Академии, и в СО АН в том числе, царило, по существу, крепостное право. Все сотрудники были приписаны к лабораториям, лаборатории к отделам. Переходы запрещены. Заведующий отделом был тебе бог и царь. Не дай бог прогневить своего шефа: в таком случае тебе вряд ли кто смог бы помочь. Академики и член-корры же были непогрешимы, власть их была огромна. От них, в принципе, уже не требовалось научной работы. Эти не делающие науку, а только руководящие академики и член-корры имели массу свободного времени на руках, которое посвящали политике. Тут многие из них были мастера, а некоторые - в том числе и заплечных дел.

Так как сменяемость руководителей членов Академии не была предусмотрена, некоторые сотрудники вынуждены были жить в условиях нарастающего маразма со стороны правящего академика. Не называя конкретных имен, скажу, что некоторые из них, достигнув весьма преклонного возраста, продолжали править с помощью своих более молодых жен. Теперь они, в основном, уже в мире ином, про них написаны статьи в Википедии, и все в этих статьях прекрасно: заслуги, ордена,

медали. Про обратную сторону медали мало кто знал; только те, кто имел возможность близко с ними общаться.

С течением времени отношения отца с Г.К. Боресковым стали ухудшаться. Тут было множество причин, о которых знали только в семье и о которых мне не хотелось бы рассказывать во всех подробностях, хотя эта тема могла бы быть очень интересной с точки зрения психологии. Основной причиной являлось, видимо, несовпадение личностных жизненных ритмов (колебаний в каком-то смысле, которые очень интересовали отца всегда, а в последние годы жизни - особенно). Чем дольше отец жил, тем сильнее он сосредотачивался на науке, тем сильнее он хотел успеть осуществить все задуманное. Он диктовал статьи еще за месяц перед уходом, уже будучи не в состоянии сам писать, и Марина записывала надиктованное. Это – редкое человеческое качество; значительно чаще даже крупные ученые заканчивают свою научно-профессиональную деятельность гораздо раньше и предпочитают науке другие занятия, - тут все зависит от наклонностей.

В какой-то момент отношения прошли черту невозврата. Каждая встреча с ГК требовала от МГ напряжения, которое в свою очередь вызывало припадки контузии. Маме с большим трудом удавалось купировать эти приступы. Так жить было нельзя; оставался один выход - уехать из Академгородка, что МГ и сделал в 1976 году.

Честно сказать, в той незавидной ситуации мне где-то Г.К. Борескова было жалко и я не спешил его осуждать; тем более, что я был с ним знаком более 20 лет, и, как я уже писал, он был моим крестным отцом. Однажды на улице Воеводского мы встретились. Я поздоровался, ГК остановился. "Вы знаете," - сказал он, - "у вашего отца окончательно испортился характер". Он пошел дальше. Я понял, что он имел под этим в виду: отношения должны прекратиться. Прощай, крестный!

Распрощавшись с МГ, Борескову не составило труда расправиться и со всем отцовским коллективом. Их тема была снята из плана института. Некоторые ученики МГ, как, например, Григорий Яблонский и Юрий Матрос, подправили свои CV и стали учениками Борескова. Другим, более верным, как например, Валентин Шеплев, пришлось уйти из института. В. Шеплев, чрезвычайно талантливый ученый и один из самых любимых учеников отца, после долгих скитаний пристроился в институт Геофизики и сменил тематику, а вскоре и безвременно умер.

Проработав в Академии Наук двадцать лет, я убежден, что "Карфаген должен быть разрушен". Главенство престарелых, отсталых от жизни и – по большей части – от современной науки, академиков, должно быть так или иначе прекращено и их произвол в отношении рядовых сотрудников академических институтов остановлен. Без их административной власти будет легко обнаружить, какой король в действительности голый, а какой нет. Я - за реформу в Академии Наук. Не уверен только в том, что та реформа, попытки проведения которой осуществляются в настоящее

время, - это та реформа, которая нужна. Нельзя полностью полагаться на деятельность бюрократов (менеджеров на современном языке), которые совсем уж не имеют никакого представления о науке.

10. МГ в Москве. Карповский институт. Заключение

В 70-х и в последующие годы я частенько читал статьи Михаила Гавриловича (я тогда занимался вплотную задачами тепло-массообмена в реакторах различного типа). Работы – запоминающиеся. Сразу чувствуется и уровень постановки задачи и результаты – соответствующие. Когда читаешь такие работы, начинаешь понимать, что такое – классическая работа. На таких работах и учился. Так что и в моей памяти остается след от жизни твоего папы, хотя мы и не были знакомы персонально.

Александр Горин. Профессор. Малайзия

В 1976 году МГ был переведен в Москву согласно постановлению министра химической промышленности СССР Л. А. Костандова для создания отдела по теоретическим основам химической технологии в Институте им. Карпова. В связи с организацией нового отдела Карповскому институту были выделены новые ставки, чему Директор Института академик Яков Михайлович Колотыркин был очень рад. МГ пришлось начинать все с нуля, и в условиях Москвы это было намного труднее, чем в Академгородке. Необходимость московской прописки и недоступность какого-либо жилья не позволяли МГ взять с собой своих учеников из Сибири. Более того, он не был свободен и в принятии на работу единомышленников. Несмотря на все трудности, МГ с энтузиазмом взялся за создание Отдела и за решение задач, стоявших в то время перед институтом.

Одной из тем, которая захватила МГ в этот момент, была проблема автоматизации кинетических исследований. Заразив этой идеей Юрия Михайловича Лужкова - будущего мэра Москвы, - который был тогда в 1977 году директором Опытно-Конструкторского Бюро Автоматики (ОКБА), они начали создавать систему Асни-Сигма для автоматизации кинетического эксперимента. У МГ с Лужковым была обоюдная симпатия. Оба были увлеченными и энергичными людьми, готовыми бороться за результат. Их совместная работа закончилась, когда Лужков стал подниматься по карьерной лестнице вверх; МГ всегда сожалел о том, что Лужков оставил научную работу.

Другой проблемой, над которой увлеченно работал МГ после переезда в Москву, была задача создания нового направления в гетерогенном катализе, которое он назвал как «динамика гетерогенных каталитических реакций». Будучи хорошо знакомым с исследованиями по нелинейной физике школы академика Л.И. Мандельштама на физическом факультете

МГУ, он привнес эти знания в гетерогенный катализ, рассказывая в своих лекциях и выступлениях о важности возникновения пространственных структур на поверхности катализатора, о многообразии нестационарных режимов, включая регулярные, сложные и хаотические колебания.

В одной из статей он писал: «Ограниченность теоретических знаний о катализе, обусловленная линейной и квазилинейной структурой научного мышления, приводила к ошибкам в трактовке наблюдаемых результатов. Делались выводы о неизменности процессов вблизи и вдали от термодинамического равновесия, о постоянстве удельной активности катализатора и другие. В действительности явление катализа требует принципиально нелинейного подхода к описанию эволюционных процессов». Для моделирования нелинейных явлений в катализе, начиная с молекулярного уровня, МГ привлек своего друга, также фронтовика академика Александр Андреевича Самарского, который был заведующим кафедрой вычислительных методов факультета ВМК МГУ. Эта тематика была в некоторой степени отдушиной для МГ, так как наступало время, когда химическая промышленность страны не только перестала развиваться, но и начался ее прогрессирующий распад.

Детальное описание этого периода научной деятельности МГ изложено в воспоминаниях ведущего научного сотрудника Института Зыскина Анатолия Гильевича.

Я всегда задавался вопросом: почему пропаганда, так хорошо себя работавшая во времена наших отцов, оказалась такой неэффективной в деле промывания мозгов моего поколения? Отец, как я уже писал, был убежденным государственнымником. Он был им даже в конце жизни, когда уже понимал, что любимое им государство его попросту обобрало, высосав из него все соки и оставило в старости полунищим. Одни гонорары за лекции, читанные за рубежом, и сданные в обязательном порядке в бездонные кассы иностранных отделов, были бы приличным подспорьем в старости. При этом деньги, украденные у таких работяг как отец, шли без счета на поддержку коммунистических диктатур и террористического красного подполья за рубежом, бесполезный космос, а также на военные авантюры типа Чехословакии и Афганистана. Отец же был счастлив даже тогда, когда ему просто позволяли работать, а если еще и не мешали при этом, то это бы уже полное счастье для него.

Для большинства людей моего поколения государство – это большая организация, в которой люди объединяются для совместной жизни по целому ряду характеристик, – этнических, территориальных, психологических (сюда относится и чувство гордости за страну, в которой ты живешь), и др. Люди откладывают деньги (налоги) на общие проекты типа транспортной инфраструктуры, образования, науки и медицины, на содержание своих стариков. И мы хотим, чтобы государство тратило наши деньги на наши нужды и давало нам отчет в том, куда тратятся заработанные нами деньги. Нам это кажется таким естественным. И в этом государство должно быть честным по отношению к своему населению.

Сейчас же средства, полученные от эксплуатации природных ресурсов, угля, газа, нефти, заводов по их переработке, построенных еще при участии отца, идут на немыслимое обогащение кучки олигархов, непонятно как получивших доступ к этому народному достоянию и тратящих эти средства на безумно дорогие яхты, виллы, футбольные клубы и содержание многочисленных любовниц. Отец этого не мог принять ни при каких условиях. Я думаю, что этого не может принять ни один нормальный человек.

СССР к тому же не был государством в общепринятом смысле этого слова; он был империей. Основной смысл существования государства - это забота о своих гражданах, заботой же каждой империи является экспансия. СССР при минимуме заботы о своих гражданах выкачивал из страны все ради своих имперских амбиций. Государства стабильны, срок существования же империй ограничен.

Где-то начиная с 1986 года, я начал печатать свои статьи в иностранных журналах и на английском языке. Уже это казалось отцу предательством. Его травмировал тот факт, что он не в состоянии прочитать то, что его сын пишет, и какие научные статьи он печатает. Дальше - больше: в конце 1992 года я переехал на работу в Университет города Окленда в Новой Зеландии, где как солидный налогоплательщик (а налоги здесь весьма и весьма немаленькие), я пользуюсь почетом и уважением. Три основные статьи расхода в бюджете НЗ - это как раз медицина, образование и инфраструктура. Отец тем не менее до последних дней спрашивал меня, не собираюсь ли я вернуться в Россию. Мой ответ его никогда не радовал, втайне он продолжал надеяться.

Ситуация в стране отца также не радовала. В своих письмах ко мне в Окленд он так описывал происходящее в стране.

Из письма 30 октября 1993 года:

«Академия наук вырождается. Верхушка Академии еще в большей степени становится мафиозной, думают только о себе и своем благополучии. Всякие фонды дают возможность элитным академикам делить между собой деньги. Продолжается систематическое сокращение финансирования и штатов, хотя по указам Ельцина можно платить более высокие оклады. Однако реальных денег нет.

Я продолжаю работать активно, хотя мне дается это труднее и труднее по многим причинам. Много хлопот доставляет сохранение общепромышленного и общесоюзного журнала «Химическая промышленность». У нас все, что связано с общегосударственными, научно-техническими организациями (журналы, общества, институты), уничтожается. Отраслевая наука погибла. Почти все дискредитировано, оплевано, разграблено и уничтожено. Большинство людей подавлено и понимают, что совершили огромную глупость, поверив в суверенитеты, реформы и преобразования. В будущем «реформаторов» ожидает справедливый суд за развал СССР,

науки, промышленности, обороны, многовекового уклада и создания огромного контраста богатства и нищеты. Бездумные разрушительные горбачевские и ельцинские реформы вывели во властные структуры жуликов, авантюристов и мафиози. Так получилось, что многие по неведению, а определенная часть общества умышленно, разрушили основы жизни, сложившиеся в течение многих веков, а не только в период с 1917 года. Резкое падение рождаемости и вымирание, начиная с 1989 года, является доказательством этого. В этой сложной обстановке я по инерции работаю, стремясь использовать свой опыт и знания на сохранение добрых традиций.»

Из письма 8 января 1994 года:

« Прошел тяжелый год. С тревогой думаю о 1994 годе. Самая большая тревога у меня - это судьба внуков. Обстановка сейчас очень трудная, интеллектуальный труд потерял ценность. Гайдар заявляет, что выгоднее купить лицензии, чем содержать науку. ... Сейчас путем лже-референдума (надо было набрать только 25%) устанавливается диктатура жадных, властных и малограмотных людей. ЦК КПСС заменила администрация президента. Происходит разворовывание государственной собственности и образование первичного капитала. Даже мелкие воришки все тащат.»

И все же, несмотря на все огорчения в сфере политики и тяжелое положение в области химической промышленности, МГ не уставал повторять, что у него счастливая старость. Семья оказалась той бухтой, где встал на постоянный прикол его избороздивший все бурные жизненные пространства корабль. Особенную радость ему доставляли его внуки Михаил и Ирина, а в дальнейшем, и правнук Юрий (сын Михаила). Он радовался их успехам и гордился своими внуками. Михаил, закончив Механико-математический факультет МГУ, Университет, который отец бесконечно уважал, считал своей *alma mater*, стал классным программистом-девелопером. Ирина закончила тот же факультет с Дипломом с отличием, потом – Новую русскую экономическую школу в Москве, далее поступила в аспирантуру в Школе бизнеса при Университете Стокгольма, защитив диссертацию по теме «Essays in Option Pricing and Interest Rate Models», после чего крупном Шведском банке возглавила Отдел оценки рисков. Юра самостоятельно прошел через серьезное сито экзаменов и поступил в гуманитарный класс 57-й школы - одной из лучших в Москве. Он увлекается фотографией: две его фотографии были опубликованы в Новой Газете.

Из письма 31 июля 1996 года:

«Если сказать кратко, то нашей семье позволяла преодолевать трудности любовь: любовь к детям и желание их иметь, любовь к внукам. Любовь - это основа существования семьи. Я думаю, что всесторонняя любовь - это самое благородное и действенное лекарство от огромного числа болезней, особенно психологических. Отсутствие любви в семье, этого облагораживающего чувства, обязательно ведет к неправильному

восприятию происходящих событий, неправильному мировоззрению, неправильной шкале ценностей, рождает неправильное видение будущего и дает неправильную оценку окружающих людей. Самое оптимальное, когда любовь ведет к самоорганизации семьи и жизни в целом. Не надо ничего придумывать. Любовь к семье приведет к естественной самоорганизации, которая даст огромное удовлетворение результатами всех усилий.

У тебя замечательная семья: дети восприняли все лучшее. Они замечательные. Это наше будущее. Однако они находятся в критической области, где есть много точек бифуркации и ветвления (теория дифференциальных уравнений). Они также находятся в странном аттракторе нашей хаотической жизни, где все жизненные траектории неустойчивые. Они нуждаются в стабилизации, поддержке, любви, а также передачи этого мощного лекарственного средства на будущее.

Пишу тебе из больницы. Завтра третий этап операции. Хотелось бы, чтобы он был последним. Когда выпишусь, будет семейный праздник. Как хорошо, что у нас есть и будут семейные праздники.»

В тот раз у нас действительно был семейный праздник. Ушел из жизни отец летом 2008 года. К счастью, в то время я был в Париже и прилетел в Москву за месяц до его ухода, успев с ним попрощаться и разделить с семьей последние тяжелые дни для всех ее членов.

"Смерть вошла
и ушла
из таверны.

Черные кони
и темные души
в ущельях гитары
бродят.

Запахли солью
и женской кровью
соцветия зыби
нервной.

А смерть
все выходит и входит,
выходит и входит...

А смерть
все уходит -
и все не уйдет из таверны."

Федерико Гарсия Лорка. "Три города: Малагенья"

